

1923-1933

Инспектору Артиллеріи I го корп

Русской Арміи

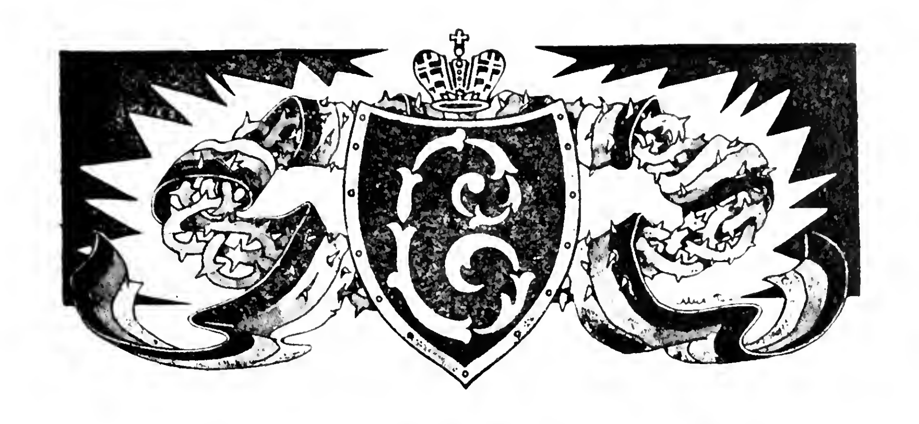
Ген.-Лейтенанту Репьеву

отъ офицеровъ III и XIII вып. Сергіевскаго Артиллерійскаго Учил

1923-1933

НАСТОЯЩІЙ СБОРНИКЪ ИЗДАНЪ ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ 200 ЭКЗЕМПЛЯР. III и XIII УСКОРЕН. ВЫПУСКАМИ СЕРГІЕВСКАГО АРТИЛ. УЧИЛИЩА ВЪ 1933 ГОДУ ВЪ ГОРОДѢ СОФІИ

НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА

Въ дни тяжелыхъ испытаній, въ бурю человѣческой вражды, во тьмѣ ползущаго предательства зажглась она — наша неугасимая лампада!..

Ярко вспыхнуло и загорѣлось ея пламя безпредѣльной любви, жертвенности и долга передъ своей Родиной — передъ Россіей!

Сергіевцы!.. Благоговѣйно склоните ваши головы — знайте и помните всегда: — на поляхъ Галиціи, въ 1914 году, — Александръ Цымбалюкъ, нашъ первый Сергіевецъ отдавшій свою жизнь за Родину, — вѣнчанный смертью храбрыхъ — зажегъ тамъ нашу Сергіевскую неугасимую лампаду!

* * *

Пламя небывалой войны не щадя ничего на своемъ пути, больно жгло душу Россіи...

Гибли герои, гибли лучшіе сыны Родины!

Въ эти дни и Сергіевцы шли и несли все, что имѣли най-цѣнное — свою жизнь — своей Родинѣ!

Тогда все чаще и чаще вспыхивала и жарко пылала Сергіевская лампада!..

* * *

Родина осталась далеко... Россіи не стало! На чужой землѣ еще бережнѣй хранили свою святыню Сергіевцы.

И вотъ... Въ ту ночь, когда на братской землѣ рѣзко прозвучали выстрѣлы, — всколыхнулось снова яркимъ бликомъ пламя лампады и болью отозвалось въ Сергіевскомъ сердцѣ!

Въ лазурный день хоронили юнкера Лободу... и дивизіонъ Училища въ бѣлыхъ рубашкахъ шелъ за гробомъ своего друга, младшаго брата...

Какъ на смотру, ярко горѣли погоны... И чудилось, будто этой молодой жизнью, Сергіевцы въ этотъ день снова давали великую клятву безпредѣльной любви, служенія и жертвенности во имя своей далекой Родины!

* * *

Грустно колыхалось пламя лампады, когда хоронили...
Портупей-юнкера Кривоносова,
подпоручика Кедрина,
п. ю. Горбаня,
подпоручика Семенова,
и многихъ, многихъ другихъ, покинувшихъ насъ...

Рано уходили молодыя силы, не дождавшись исцѣленной Родины. Сиротѣла Сергіевская семья!..

* * *

Но былъ среди насъ только одинъ... Одинъ, кто всю свою жизнь такъ заботливо лелѣялъ и оберегалъ отъ житейскихъ бурь этотъ священный огонь нашей Сергіевской лампады!

И я знаю, что нѣтъ ни одного Сергіевца, кто не чувствовалъ, не зналъ бы этого, кто когда-нибудь смогъ бы забыть эту дышавшую духовной силой, крѣпкую фигуру съ чуднымъ глубокимъ лицомъ, нашего безгранично чтимаго Отца Ѳеодора Миляновскаго...

Это онъ въ своихъ добрыхъ отцовскихъ рукахъ несъ черезъ всѣ выпадавшія невзгоды, вмѣстѣ съ нами, нашу Сергіевскую святыню!..

И вотъ... Страшное горе постигло нашу Сергіевскую семью! Снова яркимъ пламенемъ забился огонь нашей лампады...

— Ушелъ навсегда отъ насъ нашъ любимый, вѣрный и добрый отецъ и пастырь — Отецъ Ѳеодоръ!

Такъ трагично оставилъ насъ!

Вся его жизнь — жизнь Сергіевская!

Ею онъ только и жилъ и для нея жилъ!..

. . . .

Сергіевцы! У еще свѣжей могилы своего духовнаго отца склонимъ наши головы... Памятью его и всѣхъ ушедшихъ отъ насъ Сергіевцевъ будемъ жить — вѣря въ свою Великую Родину и Ея исцѣленіе!

Тѣснѣе сомкнувъ наши ряды будемъ еще бережнѣй хранить и нести съ собой огонь нашей неугасимой Лампады!

Будемъ!

Викторъ Шамраевъ

Къ десятилѣтію выпусковъ III и XIII уск. курсовъ

Къ Вамъ, молодые воспитанники С. А. У. на чужбинѣ и г. г. офицерамъ, готовящимся праздновать 10-ю годовщину своего выпуска, мое, быть можетъ, послѣднее слово! Не могу отказать себѣ въ удовольствіи Васъ по этому поводу привѣтствовать, поздравить и выразить свои наилучшія и искреннія пожеланія, несмотря на то, что съ Вами не знакомъ и Вамъ совершенно неизвѣстенъ, тѣмъ болѣе, что Вашъ предстоящій праздникъ совпадаетъ съ 20-ю годовщиною основанія нашего С. А. У. въ Россіи.

Вы выпущены внѣ Родины, внѣ тѣхъ удобствъ и комфорта, которыми пользовались Ваши предшественники, въ спеціально къ тому предназначенной обстановкѣ. Вы работали въ ненормальныхъ, исключительно тяжелыхъ условіяхъ, лишенные не только комфорта, но и самыхъ примитивныхъ удобствъ, облегчающихъ и безъ того нелегкій трудъ прохожденія училищнаго курса и своего умственнаго, духовнаго и тѣлеснаго формированія, въ нищетѣ, холодѣ и голодѣ. Вы героически стойко выдержали этотъ искусъ и съ честью вышли изъ всѣхъ, казалось бы, непреодолимыхъ затрудненій, обрушенныхъ на Васъ судьбою.

Народная наша пословица говоритъ: „сытое брюхо, къ ученію глухо!“ Увы, мы теперь хорошо извѣдали „голодное“ и знаемъ, что подъ сытымъ надо было разумѣть „пресыщенное“ и что голодное вообще, а особенно съ тѣми приправами, съ которыми Вы познакомились въ Галлиполи, къ ученію много глуше. Вы преодолѣли эту глухоту, честь Вамъ и слава!

Во всякой бѣдѣ имѣются и хорошія стороны: Вашимъ подвигомъ Вы закалились къ жизни; послѣ худшаго Вамъ уже не такъ страшно худое и все же нѣсколько легче терпѣть и надѣяться на лучшее, которое да дастъ Вамъ Богъ; люди и особенно современные, доставить Вамъ его не могутъ, даже если бы и хотѣли.

Крѣпитесь же и надѣйтесь на себя и Господа; не можетъ же Онъ долго продолжать карать невинныхъ младшихъ за преступленія старшихъ. Вѣрьте. что для Васъ молодыхъ еще взойдетъ заря. Мы старые здѣсь перемремъ, конечно, но для Васъ еще настанетъ время, когда Вы сможете примѣнить Ваши знанія, опытъ и закалку въ молодыхъ годахъ, на пользу и возрожденіе нашей несчастной Родины и на спасеніе нашего народа, у котораго на Васъ и Вамъ подобныхъ — одна надежда и упованіе!

Предстоитъ еще немало испытаній. Хорошо зная ужасающее и нормальную душу возмущающее, безвыходное положеніе нашего порабощеннаго народа, и наши враги, и наши бывшіе друзья, изъ алчности и корыстолюбія (Ллойдджорджевская торговля съ людоѣдами!), изъ страха передъ возрождающейся Германіей и изъ опасенія, какъ бы Россія не стала опять на ноги, на этотъ разъ уже не глиняныя, рѣшили признать большевиковъ законнымъ правительствомъ Россіи, de jure и de facto.

Какой-то поганый еврейчикъ нашелъ блестящее и совершенно новое опредѣленіе: „ненападающій это тотъ, который не нападаетъ!“ — и этого оказалось достаточнымъ, чтобы передъ нимъ заискивать, напѣрерывъ пожимать ему руку (къ тому же воровствомъ замаранную) и даже поставить въ число кандидатовъ на Нобелевскую премію за миръ! Будемъ надѣяться, что исторія заклеймитъ этотъ позоръ!

Теперь отъ этого намъ не будетъ легче, конечно, но будемъ и здѣсь искать хорошую сторону. Намъ все это хорошо знакомо и мы можемъ предвидѣть, чѣмъ все это кончится! Зло къ добру не приведетъ. Наши милые „ненападающіе доброжелатели“ скоро увидятъ, что эта идиллія долго продолжаться не можетъ: одни наградятъ больше, другіе меньше и всѣ перессорятся и передерутся. Съ Германіей и Японіей справиться не смогутъ; эти одни знаютъ, что дѣлаютъ; они въ концѣ концовъ заберутъ и свое, и чужое, и, конечно, главнымъ образомъ наше. Они одни способны возстановить въ Россіи имъ необходимый порядокъ, несовмѣстимый съ большевизмомъ, такъ какъ они одни способны воевать, отдѣлавшись отъ соціализма.

И вотъ, когда наступитъ этотъ періодъ, наступитъ и моментъ, когда на Васъ, теперь лишнихъ, никому ненужныхъ и нежелательныхъ, всѣ посмотрятъ какъ на полезныхъ, необходимыхъ и по знанію русскаго языка и быта, и по ненависти къ большевикамъ, и по способности съ ними бороться. Къ этому уже и теперь имѣется тенденція: во многихъ странахъ, Вамъ извѣстныхъ (Америка, Германія, Японія, Китай), уже имѣются зародыши русскихъ „гакенкрейцеровъ“, или „черныхъ рубашекъ“ или просто русскихъ отрядовъ пока для внутренняго употребленія (Шанхай). Готовьтесь же къ этому и Вы! Не обращайте вниманія на чужіе символы, чужія побужденія и цѣли; имѣйте въ душѣ свои; не будьте въ этомъ слишкомъ брезгливы и разборчивы, примкните къ первому, кто открыто пойдетъ противъ поработителей нашего народа, чтобы съ ними покончить; не задумывайтесь и не разбирайтесь въ томъ, изъ за чего онъ идетъ, ибо у всѣхъ теперь цѣли одинаковы — „бери, что плохо лежитъ, грабь, хотя бы и не награбленное, а кровью и потомъ заработанное“. Используйте эту жадность; используйте ихъ иниціативу съ Вашими

собственными другими цѣлями. Потомъ успѣете преобразиться. Теперь нашею единственною цѣлью и стремленіемъ является необходимость спасенія нашего народа, избавленіе его отъ голода, нищеты, рабства и связанныхъ съ ними невыносимыхъ и тѣлесныхъ, и моральныхъ страданій, ведущихъ къ звѣриному состоянію, если не къ полному вымиранію!

Не о могуществѣ, цѣлости или сохраненіи прежнихъ богатствъ идетъ теперь рѣчь, а о спасеніи жизни народа. Богатство дѣло наживное, но для живого, а не мертваго. Іову необходимо прежде всего исцѣленіе и сохраненіе жизни; сохраненіе имущества, даже если бы оно было возможно, а эта возможность — не въ нашихъ силахъ, — не принесло бы пользы. Въ нашей дилеммѣ теперь имѣются лишь двѣ возможности: или исцѣленіе народа съ потерей имущества (большевики готовы все раздать, лишь бы сохранить власть), или гибель того и другого. Выбора нѣтъ! Что дѣлать, не взирая на симпатіи (не къ кому!) или антипатіи (ко всѣмъ!), надо идти за первымъ, кто захочетъ уничтожить эту чудовищную власть и дать народу избавленіе отъ мукъ; остальное же приложится!

Наша исторія знаетъ и худшія времена; въ XVII вѣкѣ, напримѣръ, когда по свидѣтельству лѣтописцевъ: „звѣри пожирали людей и люди людей ѣли“! Не сладко было и въ XIII-мъ при Монгольскомъ нашествіи; а уцѣлѣлъ народъ, уцѣлѣло и возвысилось и все остальное; такъ будетъ и впредь, не смотря на всѣ старанія нашихъ современныхъ Мамаевъ и Батыевъ! . .

Не сидѣли сложа руки наши предки, не должны такъ сидѣть и мы, подобно извѣстной дѣвицѣ, желавшей и невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти! Уже 12 лѣтъ мы ждемъ „у моря погоды“. Кажется ясно, что самъ народъ освободиться не можетъ; истощенный, больной, голодный, разоренный, вооруженный лишь ломанными вилами, граблями да косами, какъ онъ можетъ одолѣть вооруженные до зубовъ войска ГПУ, Чона и пр., владѣющихъ всѣми современными техническими средствами, газами, аэропланами, танками...? Доведенный до крайности онъ можетъ только молча медленно гибнуть въ пассивномъ сопротивленіи...

Нѣтъ, больше ждать нельзя, надо готовиться идти за первымъ! Повторяю: рыцарскія времена минули; сентиминтальныхъ Донкихотовъ теперь нѣтъ; Ордена замѣнились монетой; не надѣйтесь на все это. Оставайтесь же вы сами рыцарями, но не Донкихотами; возстановите цѣнность благородства и самопожертвованія; идите за первымъ, спасайте народъ! Вотъ Вамъ мое завѣщаніе и да хранитъ Васъ Богъ!

Хочу прибавить къ этому еще нѣсколько словъ о личныхъ выгодахъ и оріентаціи. Хотя въ спасеніи родины личныхъ выгодъ искать нельзя, тѣмъ не менѣе онѣ никогда не мѣшаютъ, а въ возможно скорѣйшемъ вступленіи въ ряды

русскихъ отрядовъ заграницей Вы ихъ получите больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было:

Вы примите личное активное участіе въ освобожденіи Россіи. Вы исполните свой долгъ, избавитесь отъ укоровъ исторіи будущаго и отъ вопроса, „гдѣ Вы тогда были“? Ваша совѣсть будетъ чи та. Вы пополните свое военное образованіе; изучите на практикѣ дѣло, которому Вы себя посвятили и которое, хотя и не по Вашей винѣ, но все же еще недостаточно Вамъ знакомо и въ теоріи. Вы будете полезны въ Россіи и, наконецъ, Вы улучшите условія Вашего существованія, придавъ ему смыслъ и одновременно переставъ терпѣть нужду, и обезпечите свое будущее. Кажется, вѣдь это лучше, чѣмъ работать въ рудникахъ, напримѣръ! Какъ это все сдѣлать, Вамъ вѣроятно укажетъ Ваше начальство.

И все же я боюсь, что вы спросите меня, какъ же намъ идти за первымъ, когда онъ можетъ оказаться нѣмцемъ, отравившимъ насъ большевизмомъ, японцемъ, который уже началъ рвать Восточную Россію на части? Вѣдь придется перемѣнить оріентацію и измѣнить нашимъ союзникамъ! Эти возраженія хороши; они пахнутъ рыцарствомъ, вѣрностью данному слову; но вмѣстѣ съ тѣмъ они отдаютъ и Донкихотствомъ н недостаточно правильною оцѣнкою событій. Это касается, конечно, нашихъ бывшихъ союзниковъ, которые дѣйствуютъ хуже лютаго врага. Они не только предали уже насъ дважды — въ 19-мъ году въ Одессѣ, когда имъ легко было насъ спасти, и теперь, когда они обнимаются съ Литвиновымъ, но и заставляютъ это дѣлать другихъ, которымъ это претитъ! Только возмездія достойны такіе союзники и они его получатъ!

Что же сдѣлалъ намъ Нѣмецъ? Онъ подалъ намъ ядъ открыто, въ запломбированномъ вагонѣ (чтобы случайно не пролить его у себя!), хорошо зная, куда и зачѣмъ надо выбросить эту мерзость и правильно разсчитывая на нашу недальновидность. Мы хорошо знали, что это ядъ, и вмѣсто того, чтобы сжечь на мѣстѣ весь вагонъ съ его содержимымъ, мы его приняли! Почему же мы винимъ другихъ, а не себя и только себя! Мы проглотили то, что намъ бросили, отравились этими отбросами изъ за несбыточныхъ соціалистическихъ бредней и проиграли войну, и погибли, какъ разъ тогда, когда судьба сулила намъ возможность стать еще болѣе великими, могучими и счастливыми, чѣмъ были прежде. А какими мы были, Вы еще пожалуй можете себѣ представить, а Ваши младшіе и не узнаютъ, такъ какъ большевики и имъ сочувствующіе исказятъ нашу исторію, приписывая себѣ все хорошее былое и отбрасывая всю свою гадость на прошлое!

Вѣдь и нѣмцы бывали нашими союзниками, и союзниками вѣрными до конца, а мы имъ не постѣснялись измѣнить! Въ будущемъ „volens nolens“ мы должны будемъ оріентироваться опять на нѣмцевъ! Это уже чутьемъ понялъ и нашъ

народъ. По словамъ пріѣзжающихъ изъ Кіева (см. Русскій Голосъ), тамъ уже трудно найти ворота, на которыхъ бы не былъ начертанъ коричневый гакенкрейцъ! Можетъ быть это результатъ нѣмецкой пропаганды, но во всякомъ случаѣ — это симптомъ!

О японцахъ и говорить нечего. Эти никогда не были ни нашими друзьями, ни нашими врагами. Въ восточной войнѣ съ ними мы сами были кругомъ виноваты, а если они пойдутъ теперь на большевиковъ, то окажутъ намъ дружескую услугу, не съ благотворительной цѣлью, конечно, но... объ этомъ я уже достаточно говорилъ выше.

Простите, что такъ долго задержалъ Ваше вниманіе, если Вы мнѣ его окажете. „Dixi et animam levavi" — я облегчилъ свою наболѣвшую душу!

Веселаго праздника и всяческаго благополучія Вамъ и всѣмъ Вашимъ руководителямъ. Искренно любящій Васъ,

старый артиллерійскій дѣдъ **А. Нилусъ**

13. VII. 1933. Югославія
Бѣлградъ—Крагуевацъ.

* * *

Исполняется 10 лѣтъ со времени производства въ Офицеры послѣднихъ двухъ выпусковъ Сергіевскаго Артиллерійскаго Училища.

10 лѣтъ тяжелой жизни въ чуждой обстановкѣ, въ разсѣяніи и непривычномъ трудѣ — не вытравили изъ большинства Сергіевцевъ понятій о долгѣ передъ Родиной, чести и привязанности къ родному имъ Училищу.

Поздравляю г. г. Офицеровъ Сергіевцевъ послѣднихъ двухъ выпусковъ съ 10-лѣтіемъ пребыванія въ Офицерскихъ чинахъ, вмѣстѣ съ пожеланіемъ — всегда съ достоинствомъ нести почетное званіе Офицера, поддерживать Славу своего Училища и скорѣе дождаться счастливаго времени Воскрешенія дорогой Родины.

Генералъ-Лейтенантъ **Витковскій.**

5 іюня 1933 г. Парижъ

* * *

10 лѣтъ тому назадъ Сергіевское Артиллерійское Училище окончило свою учебную дѣятельность, выпустивъ послѣднихъ офицеровъ артиллеристовъ. Но и послѣ этого выпуска Сергіевское Артиллерійское Училище продолжало свою воспитательную дѣятельность, вліяя своимъ личнымъ составомъ

на всѣхъ офицеровъ вообще окончившихъ это Училище. Благодаря только этому сохранилось само училище, а духъ его, духъ Артиллериста, сохранился среди бывшихъ его воспитанниковъ. Слава и честь Сергіевскому Артиллерійскому Училищу, работающему при на ихъ эмигрантскихъ условіяхъ на пользу нашей РОДИНѢ, сохраняя Ей доблестныхъ Русскихъ Артиллеристовъ. Низко кланяюсь и благодарю личный составъ Сергіевскаго Артиллерійскаго Училища за его работу, а Сергіевцамъ да пошлетъ Господь счастье вернуться на РОДИНУ и послужить Ей, какъ встарь служили наши Артиллеристы.

Генералъ-Лейтенантъ **Репьевъ.**

8 іюня 1933 г. Парижъ.

* * *

Родныхъ Сергіевцевъ двухъ послѣднихъ выпусковъ сердечно поздравляю съ десятилѣтіемъ ихъ производства въ офицеры.

Въ тяжелыхъ условіяхъ вы собрались подъ ставшій вамъ роднымъ училищный кровъ; усердно учась, вы дружно и достойно поддерживали училищный корабль въ его плаваніи по взбаламученному морю, вы одѣли, наконецъ, на одинъ мигъ ваши честно заслуженные офицерскіе погоны. Но жизнь ставила вамъ тяжелую, скажу, небывалую задачу: въ штатскомъ платьѣ среди чужихъ людей беречь честь русскаго имени на чужбинѣ, беречь достоинство родного вамъ училища и ваше офицерское, упорнымъ и честнымъ трудомъ добывая насущный кусокъ хлѣба, прокладывая себѣ лучшую дорогу въ жизни на благо родины и свое.

Оглядывая истекшее десятилѣтіе, вы съ удовлетвореніемъ можете сказать, что поставленную вамъ задачу, въ мѣрѣ силъ своихъ, вы выполнили. Честь вамъ и хвала и сердечная благодарность отъ родного гнѣзда.

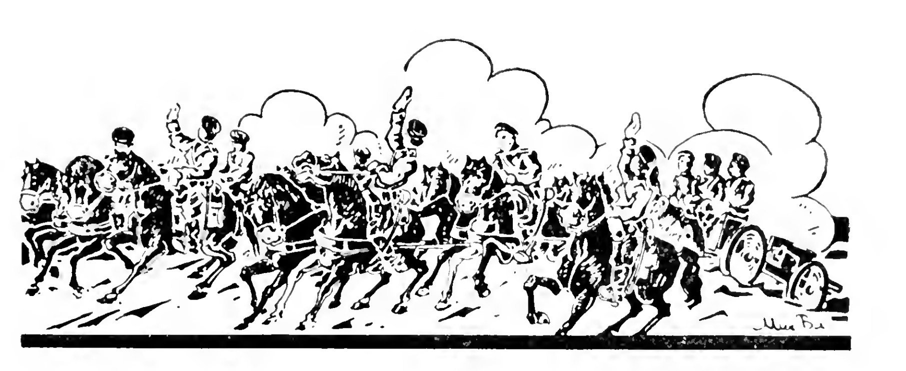
Будьте же и впредь достойными русскими офицерами, Сергіевцами, живите дружной и сплоченной семьей, упорной работой подготовляйте себѣ путь къ родной землѣ и тяжелый на ней трудъ, берегите репутацію вашего училища и незапятнанной передайте ее вашимъ преемникамъ.

Богъ въ помощь вамъ на вашемъ трудномъ, но и достойномъ пути!

Сердечное спасибо и низкій поклонъ и личному составу, вложившему свои знанія, душу, умъ, сердце и опытъ въ воспитаніе и образованіе достойныхъ Сергіевцевъ.

Генералъ-Маіоръ **Н. Казьминъ.**

1 іюля 1933 г. Парижъ.

Батарейное ученіе

(УСТАВЪ)

I.

Уставъ отъ штатской жизни, порою я переношусь мысленно къ далекимъ годамъ своей молодости, когда юнкеромъ и подпоручикомъ находился я въ строю батареи. Отчетливо и живо, будто все было на дняхъ, слышу грохотъ звенящихъ на рыси орудій, фырканье коней, съ трудомъ сдерживаемыхъ могучими ѣздовыми корня, команды Полк. Мамонтова, — вижу гарцующихъ облегченной рысью фейерверкеровъ и номеровъ, пытающихся имитировать „облегченку" и держащихся за поручни передковъ или подпрыгивающихъ въ корзинкѣ . . .

Одновременно съ такими воспоминеніями всегда оживаетъ ощущеніе подъема; непреодолимаго, стихійнаго, грозового движенія впередъ, — порыва. Тогда я, вѣроятно, не смогъ бы хорошо объяснить, чѣмъ это вызвано. Теперь знаю въ чемъ дѣло: артиллерія — сила; и увлекательно, и радостно чувствовать себя частью мощнаго цѣлаго.

II.

Многіе, вѣрно, читали или слышали разсказъ о томъ, какъ строевой конь, потерявъ на ученьи всадника, исполнилъ по сигналамъ трубача всѣ упражненія части не нарушивъ равненія и стройности, не ошибаясь ни въ одномъ заѣздѣ или перестроеніи,

Когда-то 10-лѣтній юбилей въ офицерскихъ чинахъ Шт.-К. Безака совпалъ съ 5-лѣтнимъ стажемъ его учительской работы въ Орловскомъ, 2-мъ, 1-мъ кадетскихъ корпусахъ и Михайловскомъ Артиллерійскомъ Училищѣ. За тѣ десять лѣтъ онъ не перенесъ и десятой доли того, что съ честью и стойкостью выстрадали произведенные 10 лѣтъ назадъ артилле-

ристы Сергіевцы. Было бы справедливо зачесть имъ каждый годъ страды на чужбинѣ, по крайней мѣрѣ, за 4 года. И вотъ, поздравляя съ 40-лѣтіемъ службы Сергіевцевъ послѣднихъ (пока) двухъ выпусковъ, старый учитель приглашаетъ еще болѣе старыхъ бывшихъ учениковъ своихъ взять вмѣстѣ урокъ по той части устава батарейнаго ученья, гдѣ показано, какъ сигнализируютъ другъ другу артиллеристы, находящіеся на далекомъ разстояніи. Для полноты впечатлѣнія надо вспомнить не только слова, но и мотивы сигналовъ: во всякомъ тридесятомъ царствѣ найдется, вѣроятно, русскій уставъ батарейнаго ученья, а если нѣтъ, — найдется несомнѣнно артиллеристъ, который на трубѣ, на рояли сыграетъ, въ крайнемъ случаѣ споетъ или лихимъ свистомъ воспроизведетъ мелодіи сигналовъ.

Цѣль этой музыкальной экскурсіи — прикоснуться къ родной землѣ, побыть въ знакомой средѣ, почувствовать сплачивающую силу артиллерійскихъ сигналовъ, которая даже движущагося безъ руля и вѣтрилъ коня вовлекаетъ въ общую гармонію; окунуться въ чистыхъ волнахъ родной стихіи, чтобы выйти изъ нихъ, какъ изъ Силоамской купели, умѣющимъ ходить съ честью по чужой землѣ, достойнымъ идти домой, желающимъ прійти въ Россію съ полной укладкой моральнаго и умственнаго багажа.

Подавая другъ другу сигналы, вспомнимъ мотивы, опредѣлившіе наши рѣшенія въ прошломъ, зададимъ себѣ тонъ на будущее, хорошій артиллерійскій тонъ извѣстный всѣмъ съ сѣдыхъ временъ, какъ идеальный.

III.

№ 13. „Слушай“ — предупредительный сигналъ. „Слушайте дружно всѣ“ Сергіевцы — бѣлые воины: черные забойщики, шофферы, инженеры, безработные, учителя, пѣвцы, мастера желѣзнаго, бетоннаго и др. дѣлъ, священники, фермеры, студенты, чиновники, дубильщики кожи. . .

ВЫ опираетесь на маленькій клочекъ земли, который узенькимъ Перекопомъ отдѣляется отъ брошенной противъ васъ необъятной, много-

милліонной Россіи, взбаламученной, одурманенной ядомъ большевистскихъ посулъ. Силы безнадежно неравны. Послѣдній разъ дается сигналъ *№ 15, Открытіе огня*: „огонь, огонь, огонь, ребята, давай картечь намъ поскорѣй“. Послѣ него *№ 13: Слушай*, говоритъ каждому Ген. Врангель и выбирай себѣ крестный путь: или остаться въ Россіи и подвергнуться — кто немедленному разстрѣлу, кто длительнымъ мученіямъ и униженіямъ подъ большевиками; или же принять сигналъ *№ 9, Построенія резервной колонны*: „мѣста мало, взводъ за взводомъ выѣзжай“. Нѣтъ мѣста на родинѣ немогущимъ примириться съ большевизмомъ, и вы Сергіевцы принимаете этотъ сигналъ Ген. Врангеля и выѣзжаете съ нимъ въ глубокій резервъ Россіи, на чужбину, на невѣдомыя тогда испытанія. Горькое, соленое Черное море выбрасываетъ васъ въ незнакомый городокъ на попеченіе французовъ, грековъ, турокъ, выбрасываетъ людей, побѣжденныхъ въ неравной борьбѣ, разстроенныхъ, полуодѣтыхъ, полуголодныхъ, потерявшихъ родную землю, потерявшихъ почву подъ ногами, такъ какъ приходилось наново строить жизнь съ обезпеченіемъ, на первыхъ порахъ, въ видѣ одной лиры въ мѣсяцъ и четверти французскаго хлѣба.

Пустота, развалины, тоска, уныніе ... и сигналъ Ген. Кутепова *№ 10 Развертываніе колоннъ*: „Строй фронтъ, готовься разить врага!“

Совершается чудо преображенія ... Желѣзнаго Преображенца отняли большевики, но русскаго солдата мало убить, его надо еще и повалить: повалить Ген. Кутепова врагамъ не удалось; онъ и сейчасъ, какъ въ землю вкопанный, богатыремъ стоитъ передъ вами и привѣтствуетъ васъ: „Здравствуйте, Сергіевцы“ и впредь послѣ 10 лѣтъ здоровой трепки!

10 лѣтъ назадъ! Маршъ! — Услышавъ сигналъ *№ 10*, вы задаете другъ другу и мачехѣ-судьбѣ насмѣшливый вопросъ: „мама, мама, что мы будемъ дѣлать, когда настанутъ зимни холода?“ и рѣшаете: что же намъ дѣлать, какъ не учиться. Бодро и дружно вы откликаетесь на *№ 14* Ген. Казьмина, *Вызовъ батареи на позицію*: „собери-ка коня, подбери повода, съ бодрымъ духомъ по полю лети ...“ Откуда ни возьмись, появляются съемки, уставы, пулеметы, интегралы, пара — Полк. Гавликовскій и иппологія, пара силъ, еще пара силъ, и еще много силъ.

Къ вечеру отъ наукъ, строевыхъ упражненій, стирки, возки воды, облегченнаго пайка, — многія силы утомляются. Двѣ батареи выстроены: впереди — Ген. Казьминъ, во второй линіи — Командиры батарей, еще ближе къ строю — взводные офицеры, а за ними вы всѣ, плечо къ плечу.

Цвѣтковъ! Баранченко! Волковъ! Огнивенко! Самоваровъ! Поляковъ! Мельниковъ! Бѣлокопытовъ! Трофимовскій! ... вы-

кликаютъ фельдфебеля. Я! я!... Я здѣсь; гдѣ же мнѣ быть, какъ не съ вами — отвѣчаютъ вызываемые.

Трубачи играютъ трогательный сигналъ *№ 26, Заря*: „Господи, къ Тебѣ взываемъ и молимъ; помилуй насъ и сохрани насъ во тьмѣ ночной . . . “, послѣ чего на берегу Дарданеллъ, на плацу передъ казармами Новой Загоры, Велико-Тырнова, Сеймена, вы поете: „Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое . . . “, поете и чувствуете. что это важныя слова. Вамъ дорого спасеніе страдающихъ въ Россіи. Вы горячо желаете, чтобы снова стало Божіимъ достояніемъ захваченное безбожниками.

Такъ день за днемъ идетъ время и долго ли, коротко ли, замедленно ускоренно подходятъ сроки производства. Генералы выпусковъ пишутъ приказы. Трубачи даютъ *№ 16, Прекращеніе огня;* „Славно мы врага разбили, трубачъ, труби отбой!“. Вы наступаете разсыпнымъ строемъ, занимая различные города, государства, материки, а лихой трубачъ Бурцевъ, предупреждая васъ о томъ, что „яка-сь розява“ можетъ заѣхать оглоблей въ лобъ шагающему по полю, шлетъ вамъ напутственный сигналъ Училища, *№ 3*: „Рысью размашистою, но не распущенною, для сбереженія коней“. Вы начинаете 10-лѣтнюю службу . . .

Что съ вами было за эти 10 лѣтъ, вы сами разскажете въ юбилейномъ своемъ сборникѣ. Что съ вами будетъ, я вамъ скажу. Придетъ день вы услышите сигналъ *№ 31, „генералъ-маршъ*, поданный Ген. Казьминымъ: „Воины, други, въ походъ собирайтесь, радостный звукъ васъ ко славѣ зоветъ... Тотъ же, кто жизни своей не жалѣя, неустрашимо въ кровавый шелъ бой и сражался тамъ, не робѣя, будетъ Русью родной принятъ онъ, какъ герой . . .“ Это будетъ труба второго пришествія Сергіевцевъ въ Россію.

Хорошо бы поскорѣе! — уставъ и это предусматриваетъ. Разные сигналы вы услышите отъ начальства; для достиженія въ кратчайшій срокъ наилучшихъ результатовъ уставъ сопровождаетъ каждую команду *Исполнительнымъ сигналомъ, № 11:* „Всѣ исполняйте!“ Всѣ — это главное. На батареѣ команда исполняется всѣми легко, даже когда пули вырываютъ одного за другимъ. Въ разсыпномъ строю эмиграціи, гдѣ длительный гнетъ вырываетъ жертвы истощенія, непріязни, отсутствія поддержки, — исполнять приказы „всѣмъ“ куда труднѣе. Но . . . Св. Сергій далъ Дмитрію Донскому иноковъ Пересвѣта и Ослябю для сверженія татарскаго ига; Бѣлой Арміи приданы для борьбы съ игомъ нынѣшнихъ язычниковъ рыцари Сергія — подвижники воины-артиллеристы Сергіевцы.

Н. Безакъ

Нашъ огонекъ

Обложка и нарисованные на ней свѣтильникъ или Сергіевскій значекъ будятъ воспоминанія, создаютъ настроеніе, смягчаютъ сердца читателей и укрѣпляютъ нити, связующія ихъ съ пишущими.

Свѣтъ Огонечка Малешенька не погасъ и лучи его освѣтятъ путь, пройденный за 10 лѣтъ.

Освѣщенные этимъ огонькомъ передъ нами въ старыхъ формахъ, какъ полагалось на юбилейныхъ торжествахъ, пройдутъ Сергіевцы старины: юнкера, офицеры — рабочіе и современные: Сергіевцы — инженеры, студенты, художники, доктора, учителя, торговцы и нашъ братъ, ни къ чему не пробившійся, ничего не добившійся некудышникъ.

Меня уже теперь волнуетъ этотъ смотръ. Не скрою — сердцу моему ближе Сергіевецъ перваго періода, Сергіевецъ, изображенный Подпоручикомъ Крайневымъ на страницахъ выпускного альбома.

Мнѣ близокъ Сергіевецъ въ царвуляхъ, по грязи на училищную кухню влачащій водовозку; мнѣ близокъ Сергіевецъ съ киркою въ угольныхъ забояхъ выколачивающій гроши на постройку однообразнаго обмундированія, Сергіевецъ 14 часовъ не выпрямляя спины работающій на саманѣ и кирпичахъ для того, чтобы достойно отпраздновать училищный праздникъ и отложить копейку для полученія высшаго образованія. Мнѣ близокъ Сергіевецъ, въ промежуткахъ между этими каторжными работами блестяще сдающій высшую математику, механику и артиллерію, готовый въ любой моментъ подать безошибочную команду на любую предъявленную ему комбинацію разрывовъ и знаковъ. Мнѣ дорогъ этотъ Сергіевецъ и потому, что усиленныя занятія и работа не мѣшали ему найти силы и время для устройства блестящихъ баловъ и для того, чтобы, преобразовавъ казарменныя стѣны, самому въ нихъ представиться элегантнымъ, воспитаннымъ и гостепріимнымъ. Мнѣ дорогъ онъ и потому, что всегда и все, что вело къ пользѣ училища, онъ считалъ для себя священнымъ, а во вредъ — позорнымъ.

Они были всегда едины, прежде всего и во что бы то ни стало едины. Отсталыхъ и манкирующихъ они не знали. Отсталъ въ наукахъ Н, ему поможетъ М. Нужно помочь въ занятіяхъ, нужна матеріальная помощь, нужно поддержать слабаго, больного — эти Сергіевцы, не имѣя ни времени, ни денегъ, находили и то, и другое.

Нужна моральная поддержка, — ее окажутъ всѣ, какъ одинъ. И было радостно всѣмъ, было легко! Въ Сергіевской

атмосферѣ того времени легко дышалось, легко работалось. Вѣдь именно въ этотъ періодъ родился и процвѣталъ нашъ журналъ, въ этотъ періодъ на занятіяхъ мы составляли сборникъ для занятій пристрѣлкой и угломѣромъ. Въ этотъ періодъ и у насъ именно былъ видоизмѣненъ параллелограмъ Пащенко. А какъ мы примѣняли къ мѣстности малюсенкія мишеньки, какъ, точно на дѣйствительной мѣстности, въ масштабѣ метръ — полъ версты, мы направляли въ нихъ съ далекихъ наблюдательныхъ пунктовъ батареи; какъ быстро и точно пристрѣливались по этимъ мишенькамъ съ помощью ватныхъ на тончайшей проволокѣ разрывовъ.

Никогда, ни будучи юнкеромъ, ни офицеромъ, ни позже руководителемъ офицерской артиллерійской школы, я не могъ изучить такъ угломѣръ Михайловскаго-Турова, какъ изучилъ его на занятіяхъ съ вами, и никогда раньше я не зналъ его такъ, какъ знали его вы, лишенные всего юнкера III и XIII выпусковъ, и именно потому, что мы такъ усвоили идею его, намъ легко удалось по памяти возстановить и перевести на русскія дѣленія англійскій командирскій угломѣръ-планшетку. Вотъ ужъ поистинѣ „голь на выдумку хитра“ и „терпѣніе и трудъ все перетрутъ“!

Повторяю, въ этой Сергіевской атмосферѣ легко дышалось, легко жилось. И не удивительно, что слово о. Миляновскаго на молебнѣ, въ день выпуска и производства, заставило плакать всѣхъ слышавшихъ его. Тогда ему легко было найти путь къ сердцамъ нашимъ, и намъ легко было откликнуться на слово его.

1933 г. Бургасъ. **А. Григорьевъ.**

---

* * *

10 лѣтъ уже прошло, какъ вы стали офицерами-артиллеристами.

10 долгихъ лѣтъ я наблюдалъ васъ, съ интересомъ слѣдилъ за вашей работой, за вашимъ образованіемъ и за вашимъ образомъ мыслей.

Сегодня, въ день вашего юбилея я хочу подѣлиться съ вами итогами моихъ наблюденій. Для васъ, въ общей массѣ, они, эти итоги — выше средняго.

Никто изъ васъ не уронилъ, не унизилъ достоинства и чести русскаго офицера-артиллериста.

Многіе изъ васъ здѣсь, заграницей пріобрѣли не только военныя, но и спеціальныя высшія знанія, дающія возможность

вамъ здѣсь безбѣдно жить, а въ будущемъ приложить ихъ къ служенію родинѣ.

Но вы — не только офицеры-артиллеристы, инженеры, агрономы, артисты, таксисты и просто рабочіе, но вы еще Галлиполійцы. Вы носите значекъ — черный съ бѣлымъ крестикъ Галлиполійца — выше значка училища, значитъ и обязанности, предъявляемыя вамъ, какъ къ Галлиполійцу, выше и важнѣе всѣхъ другихъ, но многіе изъ васъ, какъ будто забыли назначеніе и задачи общества Галлиполійцевъ.

Я напомню ихъ вамъ и напомню ихъ вамъ словами нашего Командира корпуса, генерала Витковскаго:

„Общество Галлиполійцевъ есть организація людей, ищущихъ въ каждый данный моментъ возможности продолженія борьбы съ большевиками, борьбы активной въ полномъ значеніи этого слова".

А основатель общества, генералъ Кутеповъ, высказалъ увѣренность въ томъ, что каждый Галлиполіецъ понимаетъ, что борьба съ большевиками, начатая доблестными Добровольцами, можетъ мѣнять форму, но не можетъ прекратиться до освобожденія Россіи. Большевицкая власть сама собою не исчезнетъ и съ нею необходима упорная борьба, къ которой насъ зовутъ наши Вожди. Нашъ долгъ помочь внутреннимъ силамъ Россіи всѣми имѣющимися у насъ средствами. Пусть же у Галлиполійцевъ не угаснетъ духъ жертвенности и дѣйственная воля къ борьбѣ съ поработителями нашей родины.

Вѣдь вы тѣ Сергіевцы, которые одни только защищали портъ при эвакуаціи города Одессы, тѣ Сергіевцы, которыхъ Генералъ Слащевъ въ тяжелую минуту вызвалъ на Перекопъ и Чонгарскій полуостровъ, гдѣ въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ вы съ небольшимъ числомъ Добровольцевъ, но сильныхъ духомъ, стойко отстаивали послѣдній клочекъ русской земли, за что получили серебряныя трубы и отличія на фуражки. Не вамъ ли Генералъ Стоговъ вручилъ охрану крѣпости Севастополь, когда мѣстный гарнизонъ разбѣжался, а боевыя части арміи находились еще на путяхъ къ Севастополю? Не съ вами ли Генералъ Врангель послѣдній взошелъ на корабль, покидая Родину? Не вы ли были конвоемъ у Генерала Кутепова, когда онъ уѣзжалъ изъ Галлиполи, не васъ ли онъ вызвалъ въ Велико-Тырново, когда вновь ему понадобился конвой?

Изъ Россіи идутъ стоны и крики о помощи, отъ голода тамъ вымираютъ цѣлыя деревни и людоѣдство стало обычнымъ явленіемъ. Всѣ ваши усилія и теперь должны быть направлены на борьбу съ поработителями отечества и въ первую очередь вы должны неуклонно дѣлать свои взносы въ „Фондъ спасенія Родины".

Только люди лишенные чувства долга и чести могутъ отказаться отъ помощи этой борьбѣ.

5 іюля 1933 г. Парижъ. **В. Мамушинъ**

Дорогимъ юбилярамъ

Смѣло могу написать подобное обращенiе, ибо самъ прошелъ славную Сергiевскую Школу, не порвалъ съ ней духовной связи, цѣню безконечно все то большое, что она мнѣ дала за мимолетный перiодъ ускореннаго курса.

Сергiевская школа умѣла неизгладимо смыть съ насъ свойственную прошлой россiйской интеллигенцiи „кисло-сладкость", сумѣла незамѣтно, безболѣзненно для самолюбiя выкорчевать тотъ специфическiй налетъ непротивленчества, критицизма и невѣрiя въ собственныя силы, съ которыми большинство изъ насъ пришло въ ея стѣны.

Черезъ шесть мѣсяцевъ мы были другими людьми; Россiя, русская армiя, ея слава для насъ были дороги, близки и понятны.

Мы чувствовали себя участниками творенiя Россiи, наслѣдниками славы и продолжателями службы тѣхъ, кто вѣками строилъ Россiйское государство, умиралъ защищая или расширяя его.

Тѣмъ, кто умѣлъ подойти къ душамъ людей, пришедшихъ изъ „первобытнаго состоянiя", кто сумѣлъ вдохнуть въ нихъ новую неугасимую искру — честь и слава.

Тяжелый, покрытый кровью и славой путь училища — живой примѣръ творческой работы учителей и твердости и доблести ихъ учениковъ.

Великая война, гражданская, послѣднiй этапъ ея — Крымъ, Галлиполи, Болгарiя, потомъ университеты, шахты и фабрики. И всюду свѣтлая память объ училищѣ, всюду группы, ячейки прекраснаго САУ.

11-го iюля 1933 г. послѣднiе выпуски С. А. У. сдѣлали перекличку. Живы ли Сергiевцы? Дорога ли для нихъ славная школа? Не поколебался ли духъ?

Сборникъ — отвѣтъ на призывъ.

Изъ Францiи, Чехiи, Люскембурга, Бельгiи, Югославiи, Болгарiи, отовсюду отозвались, перекликнулись. Не распыляются Сергiевцы, не сдаются. Попрежнему они твердый фронтъ сводной батареи 3-го и 13-го ускореннаго, на дѣлѣ претворяя девизъ ушедшаго любимаго Вождя — „ломаюсь, но не гнусь".

Сергiевцы не согнулись и не согнутся.

Честь и слава имъ!

Софiя.

А. А. Браунеръ.
(4-го вып.).

ИТОГИ ДЕСЯТИЛѢТІЯ

Какой юбилей, почему и зачѣмъ мы празднуемъ и имѣемъ ли мы право праздновать?

Въ этомъ году мы, послѣдніе два выпуска училища празднуемъ десятую годовщину нашего производства въ первый офицерскій чинъ; да, мы празднуемъ, но празднуя не устраиваемъ бала, не предаемся безшабашному веселью. Мы подводимъ итоги, мы радуемся сохраненію училища, сохраненію въ самихъ насъ чувства офицера.

Иногда о насъ, офицерахъ заграничныхъ выпусковъ говорятъ, что мы — „офицеры, не носившіе офицерскихъ погонъ". Это не совсѣмъ такъ, ибо хотя короткое время, но офицерскіе погоны мы носили. Да, наконецъ, развѣ въ этомъ суть, развѣ понятіе „офицеръ" опредѣляется только внѣшними признаками или внѣшніе признаки подавляютъ все и за ними больше ничего не видно? „Офицеръ это тотъ, въ которомъ чувство чести, рыцарства и товарищества доминируетъ надъ всѣмъ остальнымъ" (Часовой № 71).

Скажите, Сергіевцы заграничныхъ выпусковъ, развѣ вы не получили образованія по программѣ старыхъ училищъ, развѣ вы не пробыли 2 или 3 года въ стѣнахъ училища, развѣ есть какіе-нибудь пробѣлы въ вашемъ военномъ образованіи? Лагерные сборы, учебныя стрѣльбы? Да вѣдь вы же въ училище пришли не со школьной скамьи, каждый изъ васъ до поступленія въ училище не меньше года провелъ на боевыхъ позиціяхъ, а галлиполійскій лагерь? Развѣ можно обойти его молчаніемъ.

Вы добивались офицерскаго чина, зная что въ настоящихъ условіяхъ онъ вамъ даже куска хлѣба не дастъ не въ примѣръ прежнимъ временамъ, когда каждый юнкеръ отлично зналъ, что по окончаніи училища ему обезпечена служба и пенсія въ будущемъ. И все же вы учились, учились въ неизмѣримо тяжелыхъ условіяхъ, не разъ подвергавшихъ испытанію вашъ духъ и вашу рѣшимость устоять до конца; развѣ вы не выдержали съ честью всѣхъ испытаній и развѣ вы не отвергли всякія искушенія только и только, чтобы стать достойными своей родины офицерами. Фактъ сохраненія училища доказываетъ, что мы добивались чести быть офицерами не изъ-за внѣшнихъ отличительныхъ знаковъ, но въ стремленіи своемъ исходили изъ болѣе серьезныхъ побужденій.

Итакъ подведемъ итоги; въ теченіи десяти лѣтъ мы сохранили свою офицерскую этику и свою часть, но достаточно ли этого? Отстаиваніе своихъ позицій избавляетъ отъ пораженія, но и не даетъ побѣды. Что же нужно дѣлать?

Открытой войны сейчасъ нѣтъ, но идетъ скрытая безшумная борьба, тяжелая борьба въ одиночку. Рѣдкіе пригодны для такой борьбы; нужны физическія силы, нервы, зрѣніе, слухъ, здоровье и политическая подготовка. Это доступно немногимъ. Но не будучи въ состояніи принять участіе въ этой борьбѣ лично, каждый можетъ принять участіе путемъ оказанія моральной и матеріальной поддержки тѣмъ, кто ведетъ активную борьбу.

Кромѣ всего другого мы несемъ громадную отвѣтственность за сохраненіе арміи и ея духа. Большинство изъ насъ не пошло и не пойдетъ въ академіи, мы останемся рядовыми офицерами. Во всякой арміи мы большинство и отъ нашей подготовки, нашего облика зависитъ подготовка, обликъ и духъ арміи.

Генеральный Штабъ, офицеры съ дипломами руководятъ арміей, а создаютъ армію рядовые офицеры — тѣ изъ нихъ, кто выше всего ставитъ свою часть, кто не переводится изъ-за лучшаго оклада или прогонныхъ денегъ, кто по мѣстнымъ причинамъ не мѣняетъ части на организацію, кто въ жертву части раньше приносилъ свое служебное положеніе, а теперь общественное движеніе.

Эти строки, написанныя по случаю дорогого всѣмъ Сергіевцамъ юбилея не только двухъ выпусковъ, но и юбилея сохраненія училища, — достигнутъ своей цѣли, если каждый изъ насъ серьезно задумается надъ лежащей на немъ отвѣтственностью и подведетъ итоги тому, что онъ сдѣлалъ для родины, для арміи и для части.

Господа артиллеристы, прошло то время, когда достаточно было знать свою трехдюймовку. Офицеръ въ будущую войну долженъ быть волевымъ, долженъ быть всесторонне образованъ, долженъ быть отличнымъ психологомъ, долженъ умѣть связно говорить и толково писать, долженъ годиться и въ митинговые ораторы.

К. П.

1923 - 1933

Десять лѣтъ прошло съ того дня, какъ мы простились съ юнкерскими погонами, а вѣдь кажется еще недавно мы были въ стѣнахъ училища.

Кончился одинъ періодъ жизни и начался новый.

Большинство изъ насъ въ этотъ день впервые вступило въ самостоятельную жизнь и съ первыхъ же шаговъ столкнулось съ самыми неприглядными ея сторонами. Духъ училища и наша спайка поддерживали насъ въ тяжелыя минуты, и мы, непривычные къ физическому труду, освоились съ нимъ, тяжелая работа и лишенія не сломили насъ. Мы должны гор-

диться тѣмъ, что трудный экзаменъ былъ выдержанъ съ успѣхомъ и недавніе бѣлоручки стали цѣнными рабочими.

Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ. За это время многіе перемѣнили профессію и мѣсто работы, а немало Сергіевцевъ стали обладателями дипломовъ. Но пусть никто не вздумаетъ почивать на лаврахъ, а неуклонно продолжаетъ накоплять знанія и опытъ; самая незначительная, самая несложная профессія даетъ крупныя преимущества обладателю ея, когда она изучена во всѣхъ подробностяхъ и въ теоріи, и на практикѣ. Знанія и опытъ необходимы намъ для созданія собственнаго положенія какъ здѣсь въ эмиграціи, такъ и тамъ на Родинѣ, когда мы вернемся туда. Чѣмъ больше умственнаго багажа будетъ у насъ, тѣмъ полезнѣе мы будемъ отечеству, ибо знанія наши и опытъ во сто кратъ будутъ нужнѣе Родинѣ, чѣмъ намъ самимъ. Запасайтесь знаніями, чтобы, вернувшись на Родину, не ждать манны небесной, а опытной рукой сразу взяться за работу. Усовершенствуетъ ли кто свои военныя знанія, станетъ ли кто инженеромъ или врачемъ, изучитъ ли какое-нибудь ремесло, бухгалтерію или научится торговать, — все будетъ нужно, все будетъ полезно, такъ какъ всѣ отрасли дѣятельности человѣческой одинаково необходимы для жизни современнаго нормальнаго государства.

Трудно работать и учиться, часто отсутствуетъ желаніе совершенствоваться, когда нѣтъ близкой и понимающей среды, когда человѣкъ чувствуетъ свою оторванность отъ общества, а вѣдь одиночество чаще всего губитъ людей.

Въ первый періодъ послѣ окончанія училища, въ пору непосильнаго физическаго труда мы нашли въ себѣ силы сохранить человѣческій обликъ и не опустились главнымъ образомъ потому, что мы крѣпко держались другъ за друга и болѣе сильный незамѣтно поддерживалъ болѣе слабаго.

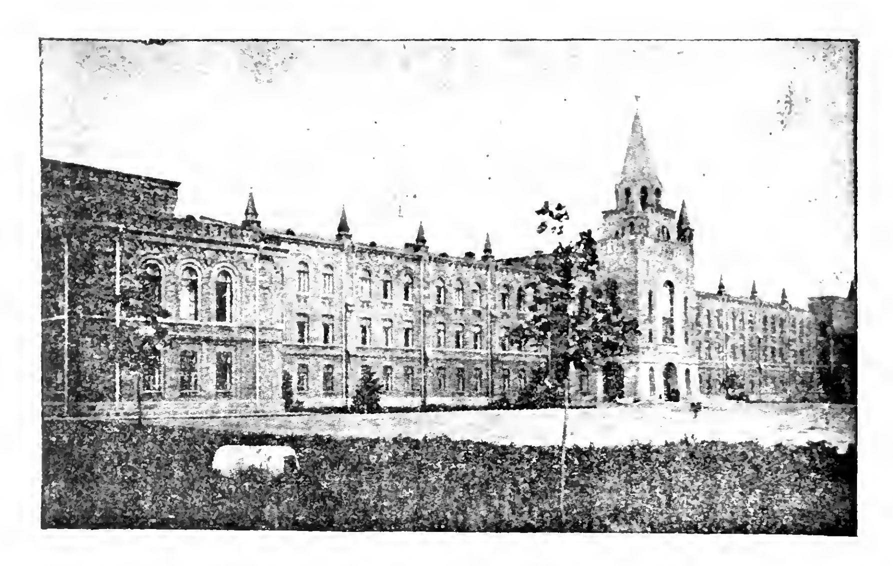
Никто и ничто не можетъ замѣнить общества друзей, только общественная жизнь даетъ импульсъ къ движенію впередъ. Каждый изъ насъ, должно быть, замѣтилъ, какая тяга къ общественной жизни появилась въ послѣдніе годы; организація за организаціей растутъ, какъ грибы. Мало кто изъ эмигрантовъ остался внѣ организацій, всѣ чувствуютъ необходимость организованной работы.

Для насъ, Сергіевцевъ, нѣтъ ничего лучшаго, ничего болѣе естественнаго, чѣмъ поддержаніе связи со своими однокашниками и Училищемъ. Наша организація — Сергіевская семья. Мы немало прожили вмѣстѣ бокъ о бокъ, дѣлили горе и радости, знаемъ и легко поймемъ одинъ другого, у насъ всегда найдется доброе и привѣтливое слово для товарища.

Нашъ долгъ сохранить для Родины наше Училище, въ цѣлости перенести туда его бодрый національный духъ.

Держите связь, не забывайте Училища, не забывайте своихъ друзей однокашниковъ.

Б. Тихоновъ

Сергіевцы въ Севастополѣ

Шелъ 1920-ый годъ . . .

Бѣлая армія совершала свой послѣдній боевой подвигъ на поляхъ Тавріи . . . Главнокомандующій и Верховный Правитель, Генералъ П. Н. Врангель, избравъ постояннымъ своимъ мѣстопребываніемъ г. Севастополь, постоянно выѣзжалъ въ районъ боевыхъ дѣйствій, гдѣ вновь возрожденная и реорганизованная Русская армія, послѣ разгрома Жлобы, быстро выдвигалась впередъ изъ Крымской бутылки, захватывая богатыя поля Мелитопольскаго района и расширяя свою скромную базу.

Въ тылу работа тоже кипѣла. Главнокомандующій сумѣлъ вдохнуть свою неукротимую энергію и вѣру въ успѣхъ дѣла не только непосредственнымъ своимъ помощникамъ, но и глубокимъ тыламъ.

Особенно большая работа выпала на долю Штаба Главнокомандующаго и Военнаго управленія, въ которое Генералъ Врангель передалъ изъ Штаба, чтобы его разгрузить, часть второстепенныхъ отдѣловъ.

Военное Управленіе все распухало и распухало. Мнѣ, исполнявшему тогда обязанности Начальника Управленія, приходилось напрягать всѣ усилія, чтобы справиться съ порученнымъ дѣломъ. Ежедневно, за исключеніемъ праздниковъ, бывая по утрамъ у Главнокомандующаго съ докладомъ, а иногда и вызываемый имъ по вечерамъ, я вынужденъ былъ проводить въ своемъ Управленіи, размѣщенномъ въ Константиновскомъ Реальномъ Училищѣ, не только день, но и часть ночи. Вся работа была срочная, нельзя было задерживаться подолгу ни на одномъ дѣлѣ, а приходилось все гнать впередъ.

Въ серединѣ іюня, во время доклада начальника военно-учебнаго отдѣла Генералъ-Маіора Врасскаго, зашелъ разговоръ о Сергіевскомъ Артил. Училищѣ, размѣщавшемся на Сѣверной сторонѣ Севастополя. Генералъ Врасскій доложилъ мнѣ о томъ, что Начальникъ Училища, Генералъ-Лейтенантъ Нилусъ неоднократно докладывалъ о тяжеломъ положеніи Училища, жившаго въ неприспособленныхъ казематахъ Константиновской и Павловской батарей и, несмотря на недостатокъ во всемъ, интенсивно ведущаго занятія по подготовкѣ къ выпуску офицеровъ въ ближайшее время.

Я рѣшилъ выбрать свободную минуту и проѣхать въ Училище.

Вмѣстѣ съ Генераломъ Врасскимъ я отправился вскорѣ на Сѣверную сторону, на пристани которой былъ встрѣченъ Начальникомъ Училища и командиромъ дивизіона, Полковникомъ Казьминымъ.

Осмотрѣвъ подробно все размѣщеніе Училища, я воочію убѣдился въ спартанскихъ условіяхъ жизни, въ большой недостачѣ постельныхъ принадлежностей, предметовъ обмундированія и т. п. Видѣнные мною юнкера поражали своимъ подтянутымъ, бодрымъ, даже веселымъ видомъ. Въ Собраніи Училища, куда я зашелъ по окончаніи осмотра, я неожиданно встрѣтилъ одѣтаго въ простую парусиновую тройку Генерала В. Т. Чернявскаго, моего стараго батарейнаго командира въ Михайловскомъ Арт. Училищѣ, а впослѣдствіи Начальника Михайловской Артил. Академіи и всѣхъ Артил. Училищъ.

В. Т. Чернявскій съ трудомъ выбрался изъ Черниговской губерніи, гдѣ у него былъ хуторокъ, въ который онъ перебрался было при большевикахъ изъ Петрограда, а затѣмъ ему пришлось бѣжать и оттуда; терпя цѣлый рядъ лишеній, онъ добрался до Севастополя, гдѣ Сергіевцы радушно пріютили его у себя, дѣлясь съ нимъ всѣмъ, что у нихъ было.

Прощаясь съ Генераломъ Нилусомъ, я обѣщалъ ему приложить всѣ усилія, чтобы улучшить положеніе Сергіевцевъ.

При ближайшемъ свиданіи я доложилъ подробно Главнокомандующему свое впечатлѣніе отъ поѣздки къ Сергіевцамъ.

Генералъ Врангель чрезвычайно заинтересовался моимъ докладомъ и выразилъ желаніе посѣтить Училище.

Начались у меня съ Генераломъ Нилусомъ оживленныя сношенія; рѣшено было, что Главнокомандующій Ген. Врангель посѣтитъ Училище, если мнѣ память не измѣняетъ, 5-18 іюля и лично поздравитъ юнкеровъ съ производствомъ въ офицеры. 5-18 іюля, послѣ завтрака, Главнокомандующій въ сопровожденіи Адмираловъ Евдокимова, Вяткина и меня, на катерѣ подъ Андреевскимъ флагомъ, отбылъ на Сѣверную сторону.

Отъ пристани ген. Врангель на ожидавшемъ его заранѣе перегнанномъ автомобилѣ проѣхалъ на плацъ къ построенно-

му Училищу, гдѣ былъ встрѣченъ рапортомъ Генералъ-Лейтенанта Нилуса. Главнокомандующій обошелъ всѣхъ юнкеровъ, внимательно ихъ осмотрѣлъ; послѣ того прот. о. Ѳ. Миляновскимъ, произнесшимъ вдохновенное слово, былъ отслуженъ торжественный молебенъ, по окончаніи котораго Главнокомандующій Генералъ П. Н. Врангель обратился къ производимымъ въ офицеры юнкерамъ съ горячей рѣчью, чрезвычайно ихъ воодушевившей. Къ концу рѣчи онъ поздравилъ ихъ офицерами. Громкое „ура" долго раздавалось на плацу. Я вручилъ каждому молодому офицеру по экземпляру приказа Главнокомандующаго о производствѣ, послѣ чего Генералъ Врангель, обратившись еще разъ къ молодымъ офицерамъ съ напутственнымъ словомъ, отбылъ въ Собраніе Училища, гдѣ и принялъ предложенный ему скромный обѣдъ. Тамъ онъ познакомился съ Генераломъ В. Т. Чернявскимъ и долго бесѣдовалъ съ Ген. Нилусомъ.

При возвращеніи домой Генералъ Врангель, оставшись очень довольнымъ порядкомъ въ Училищѣ, приказалъ мнѣ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы удовлетворить по возможности всѣ нужды Сергіевцевъ, дѣйствуя гдѣ необходимо было его именемъ.

Главныя хлопоты были у Начальника снабженія; къ тому времени изъ Константинополя стало подходить необходимое интендантское довольствіе и скоро Сергіевское Училище начало получать партіи одѣялъ, постельное бѣлье, а затѣмъ и обмундированіе.

Главнокомандующій неоднократно возвращался къ своему посѣщенію Сергіевцевъ, которое оставило у него большое впечатлѣніе.

Вмѣстѣ съ нимъ мы обсуждали вопросъ о необходимости перевести Училище къ зимѣ изъ казематовъ въ болѣе жилое помѣщеніе; рѣшено было для Училища отдѣлить половину казармъ 13-ой Артиллер. бригады, занятыхъ Офицерской Артил. Школой. Въ виду того, что Начальникъ Артиллеріи Арміи Генералъ-Лейтенантъ Илькевичъ долго не находилъ возможнымъ устроить въ однихъ казармахъ Школу и Училище, Главнокомандующій приказалъ назначить особую комиссію подъ предсѣдательствомъ тогдашняго Начальника Военнаго Управленія Генералъ-Лейтенанта В. Е. Вязьмитинова; членами ея были: Генералъ-Лейтенатнъ Илькевичъ и я, какъ Начальникъ Отдѣла Генеральнаго Штаба. Въ концѣ августа мы распредѣлили эти помѣщенія и стали подготавливать къ переходу въ нихъ Сергіевцевъ въ октябрѣ мѣсяцѣ на зимовку, но развернувшіяся на фронтѣ событія не дали возможности осуществить эту заботу Главнокомандующаго о Сергіевцахъ, а заставили его въ критическую минуту бросить и оставленную часть лихихъ Сергіевцевъ на помощь изнемогавшимъ въ неравной борьбѣ аріергардамъ Бѣлой Арміи, прикрывавшимъ

спокойный исходъ Русскаго народа, уходившаго отъ полнаго своего истребленія ненавидившимъ его краснымъ интернаціоналомъ.

В. П. Никольскій
Генеральн. Штаба Генералъ-Маіоръ

---

* * *

Ужъ десять лѣтъ кануло въ лету,
Ушли въ минувшее года;
Разсѣяны по бѣлу свѣту
Лихіе САУ юнкера.

Парижъ, Брно, Софію, Прагу
Тернистымъ мы прошли путемъ,
Но въ сердцѣ всѣ хранимъ отвагу
И смѣло съ жизнью въ бой идемъ.

Горитъ какъ встарь огонь нетлѣнный
Заженный въ сумракѣ годовъ
Отъ пламени Руси священной
Горящихъ селъ и городовъ;

Въ святомъ Галлиполи хранили
Мы тотъ огонь среди знаменъ
И долгу вѣрны вѣчно были
Въ бояхъ, въ изгнаніи своемъ.

Мы ждемъ разсвѣта — блескъ зарницы,
Громъ дальній — вздохъ родныхъ полей,
Слова приказа на границѣ
И вновь команду „на коней!“

И вотъ тогда, когда съ зарею
Труба „походъ“ играть начнетъ,
Мы вновь желѣзною стѣною
Сомкнувъ ряды пойдемъ впередъ.

Знамена старыя, сѣдыя
Подъ сѣнь свою насъ соберутъ
И снова, какъ во дни былые
Артиллеристы въ бой пойдутъ.

Пойдутъ огонь неся хранимый
Въ изгнаньи долгіе года,
Лампадою неугасимой
Огонь тотъ будетъ всѣмъ тогда;

Протянутся къ нему съ моленьемъ
Страдальцевъ руки по Руси —
Господь незримъ благословеньемъ
Прострите десницу съ небеси.

Братъ бросится въ обьятья къ брату,
Оковы съ Родины падутъ,
Врагъ сгинетъ, чувствуя расплату, —
И миръ, и счастье къ намъ сойдутъ.

К. Пахіопуло

Когда мы были юнкерами...

Уже недѣля какъ я въ училищѣ. Сюда я явился чуть-ли не послѣднимъ, такъ какъ долгая волокита съ бумагами изрядно задержала меня.

Мы еще только прикомандированные воспитанники, на нашихъ плечахъ погоны всѣхъ частей 1-го корпуса, но общая для всѣхъ новизна положенія, непривычная обстановка и связанная съ этимъ неловкость, а главное общность устремленій и цѣли — сблизили насъ и мы очень скоро, незамѣтно для себя сжились и сдружились.

Приподнято-нервное состояніе первыхъ дней было вполнѣ объяснимо: мы сразу почувствовали разницу между юнкеромъ и вольноопредѣляющимся и поняли, что къ первымъ, какъ къ будущимъ офицерамъ, предъявляются большія и гораздо серьезнѣе требованія; оказаться „шляпой“ никому не хотѣлось и всѣ напрягали свое вниманіе, чтобы какъ-нибудь не оштрафоваться.

Но интересно, что если кого-нибудь и „выцукаетъ“ начальство, то выцуканный не впадалъ въ уныніе, а бодро и весело разсказывалъ о происшествіи своимъ однокашникамъ.

Знали, что такъ нужно и цѣнили цукъ,

* * *

Тяжело и тоскливо было оставаться въ опустѣвшемъ Галлиполи. Нѣсколько разъ С. А. У. собиралось грузиться, но каждый разъ отъѣздъ откладывался и, наконецъ, мы опредѣленно узнали, что наше и Константиновское училища покинутъ Галлиполи послѣдними, вмѣстѣ съ Командиромъ корпуса незабвеннымъ генераломъ Кутеповымъ.

Пріятно было сознавать, что будемъ на одномъ пароходѣ съ ген. Кутеповымъ и мы терпѣливо ожидали прихода „Акъ-Денисъ“.

* * *

Передъ нашими глазами чудная панорама Константинополя. Тонкіе, изящные минареты и соперничающіе съ ними кипарисы какъ бы вонзаются въ небо. Широкія, массивныя мечети говорятъ о былой грозной силѣ Оттоманской имперіи.

Но не это интересуетъ юнкеровъ. Вытянувшись въ двѣ шеренги вдоль лѣваго борта они устремили свои взоры на маленькую лодочную пристань. Далеко, ничего не видно — но вотъ всѣ встрепенулись. Не увидѣли, а почувствовали. Почувствовали приближеніе того, кого ожидали цѣлый годъ и наконецъ дождались.

Уже ясно видѣнъ Андреевскій флагъ; вотъ онъ, совсѣмъ близко. Раздались слова команды; машинально, не отдавая себѣ отчета исполнили ее.

И вотъ Главнокомандующій передъ фронтомъ Сергіевцевъ. Замерло дыханіе, напряглись нервы... Краткое привѣтствіе; краткій, отъ всей души отвѣтъ... и громкое стихійное „ура!" оглушительное, до потери сознанія, нескончаемое ура...

Такого ура ни до, ни послѣ этого я не слыхалъ. Это невозможно себѣ представить, нужно услышать и почувствовать. Этого ни словомъ, ни перомъ не передать — это нужно пережить.

Б. Тихоновъ.

* * *

9. IV. 1922 г. Училище по приказанію Командира Корпуса выѣхало изъ Новой Загоры и 13. IV. послѣдній эшалонъ прибылъ въ В. Тырново.

Устроились мы здѣсь очень плохо, тѣсно и неуютно. Въ Новой Загорѣ помѣщеніе было лучше; здѣсь казармы старыя и кое-гдѣ протекаетъ крыша. Черезъ нѣсколько дней намъ дадутъ большее помѣщеніе и мы расположимся свободнѣе.

Кончился переѣздъ, кончаются хлопоты по устройству на новомъ мѣстѣ и снова пойдутъ занятія — 7 часовъ въ день, снова не будетъ свободной минуты.

(Изъ дневника)

Дудикъ

* * *

Въ душныхъ аудиторіяхъ, расположенныхъ въ полуподвальномъ этажѣ Сейменскихъ казармъ, читались лекціи, писались формулы, стрѣляли по сказочной мѣстности, сооруженной Богъ вѣсть изъ чего юнкеромъ Бѣлозоровымъ. Капитанъ Кореневъ, прикрѣпивъ къ длинной проволокѣ клочекъ ваты и опуская ее то надъ желѣзной дорогой, то передъ небольшимъ селеніемъ у горъ, изображалъ разрывы шрапнели. Юнкеръ—командиръ батареи, наблюдая черезъ бинокль, коррек-

тировалъ стрѣльбу; это была мучительная операція: отъ наблюдательнаго пункта до цѣли не больше 15-ти шаговъ и, что и говорить, невооруженнымъ глазомъ было куда проще и лучше глядѣть. Съ этимъ предательскимъ биноклемъ никакъ не разглядишь, гдѣ ложатся снаряды, гдѣ шоссе и гдѣ желѣзная дорога.

Г. Шеваковъ

* * *

Въ десять часовъ вечера раздавался сигналъ „отбой" и юнкера быстро укладывались спать; только небольшое количество „зубрилъ" оставалось въ аудиторіяхъ, пользуясь еще однимъ льготнымъ часомъ.

Эти юнкера — капонирное населеніе, какъ ихъ называли, служили средствомъ развлеченія для остальныхъ. Въ нашемъ отдѣленіи особеннымъ зубрилой слылъ юнкеръ П., который, благодаря своему замкнутому характеру, слабо уживался съ другими; всякая же шутка по его адресу вызывала у послѣдняго страшную ярость и онъ былъ готовъ избить виновника, если, конечно, находилъ его. Юнкерамъ особенно пріятно было пошутить съ П., такъ какъ это было связано съ извѣстнымъ рискомъ и нужно было беречься, чтобы не подвернуться подъ его тяжелую руку.

Выйдя покурить, я замѣтилъ, что одинъ изъ юнкеровъ тащитъ орудійный замокъ. Зная, что скоро отбой, я заинтересовался: „К., куда тянешь замокъ?" — „Буду вечеромъ угощать Тита, надоѣлъ онъ мнѣ своей зубрежкой... и услужу человѣку: проспавши цѣлую ночь съ замкомъ, онъ скорѣе его усвоитъ! Ты вмѣсто того, чтобы спрашивать, посмотри лучше гдѣ дежурный, а то помѣшаетъ и все пропадетъ даромъ".

Удовлетворивъ просьбу пріятеля, я со стороны наблюдалъ за происходящимъ. К. быстро разобралъ замокъ и спряталъ части его у себя въ кровати; затѣмъ онъ со своимъ другомъ опять помчался въ аудиторію и черезъ двѣ минуты оба вернулись нагруженные стѣнными чертежами орудій. Еще нѣсколько минутъ и раздался звукъ трубы, юнкера быстро раздѣлись и свѣтъ потухъ. Друзья немедленно вытащили чертежи и части замка, разложили ихъ на кровати П. и затѣмъ притворившись спящими, стали поджидать его прихода. Все отдѣленіе знало о продѣлкѣ и съ нетерпѣніемъ ожидало одиннадцати часовъ, когда будетъ предложено зубриламъ укладываться спать.

Наконецъ 11 часовъ; дневальный отправился собирать капонирное населеніе и вскорѣ въ дверяхъ показалась высокая фигура П.; не теряя времени онъ шелъ къ своему мѣсту. Всѣ притаились и ждали. „Чертъ знаетъ, что такое! Безобразіе! Это ты, К.! Я тебя съ свѣта сживу!" К. только похрапы-

ваетъ. „Въ чемъ дѣло, на кого ты сердишься, Титъ Васильевичъ?“ спросилъ одинъ изъ юнкеровъ; „Да какъ не сердиться? Посмотри что устроили съ моей кроватью! Чего только здѣсь нѣтъ!“ — „Это тебѣ помогаютъ, будешь страдать безсоницей — время даромъ не пропадетъ, что-нибудь подучишь,“ — „Такъ и ты, значитъ, съ ними? Вотъ я тебя сейчасъ...“ Навѣрно скверно пришлось бы говорившему, если бы на шумъ не подошелъ дежурный и не предложилъ бы П. немедленно укладываться. „Да какъ же я лягу, господинъ портупей-юнкеръ, когда моя койка завалена чертежами и разобраннымъ замкомъ!“ — „Уберите все и чтобъ черезъ пять минутъ вы спали!“ Подъ сдавленный смѣхъ 2-го отдѣленія П. исполнялъ приказаніе. „Вы еще меня узнаете, а ты, К., долго будешь меня помнить!“ ворчалъ П., выходя изъ помѣщенія съ багажемъ. „К., утромъ сразу же послѣ подъема убѣгай изъ помѣщенія!“ — посовѣтовалъ кто-то. — „Ничего, Титъ переспитъ и гнѣвъ у него пройдетъ“.

Н. Загородній.

* * *

Тырново-Сейменъ. Въ училищѣ былъ праздникъ. Передъ этимъ праздникомъ юнкера были первый разъ распущены на работы и послѣ двухъ-трехъ недѣль снова собраны. Празднично убранные столы, бѣлоснжныя гимнастерки, снова звенятъ шпоры. Родная обстановка послѣ нашего отсутствія кажется еще болѣе родной и близкой. Всѣ размѣщены за длинными установленными въ рядъ столами, г. г. офицеры, юнкера. Конечно, какъ всегда были рѣчи и вотъ тогда покойный батюшка, протоіерей Миляновскій говорилъ какъ всегда воодушевленно и глубоко сердечно о насъ юнкерахъ. Онъ говорилъ о мальчикахъ, которые жестокой судьбой, раньше времени были оторваны отъ своихъ матерей. Онъ говорилъ о голубыхъ стеганныхъ одѣяльцахъ, которые съ любовью шили матери для своихъ дорогихъ маленькихъ сыновей, не спали ночами, укрывали, берегли ихъ, растили. И вотъ, когда казалось, что ихъ безсонныя ночи уже вознаграждены, эти подростки-юноши лихолѣтіемъ были брошены на боевыя поля. Многихъ они уже потеряли, оставшіеся сейчасъ здѣсь въ стѣнахъ училища. Но въ жестокое время живутъ они. Вы посмотрите сейчасъ на эти юныя лица. Они только что вернулись съ перваго тяжелаго опыта работы, и притомъ работы, на которую никогда не готовились, къ которой физически не годятся. Эти юныя лица изъѣдены солнцемъ и рабочимъ потомъ, эти нѣжныя руки покрыты первыми гнойными мозолями... Какъ бы горько плакали ихъ матери, увидѣвши ихъ сейчасъ...

Такъ говорилъ десять лѣтъ тому назадъ дорогой отецъ Өедоръ. И вотъ сейчасъ, послѣ десяти лѣтъ трудной жизни,

если бы матери увидѣли своихъ сыновей, они бы не плакали, онѣ бы гордились ими. Потому что не жизнь побѣдила этихъ мальчиковъ, а мальчики побѣдили жизнь.

М. Власовъ

* * *

Сегодня произведенъ въ подпоручики. Кончились годы юнкерской жизни, начинается новая эра. Надѣвши долгожданные офицерскіе погоны долженъ чувствовать и помнить лежащую на мнѣ долю тяжелой работы по возстановленію Родины. Оставаясь все тѣмъ же долженъ вести себя, какъ подобаетъ офицеру русской арміи и беречь свое достоинство.

Задача трудная, но всегда ее нужно помнить.

(Изъ дневника).

К. П.

ПО УЧЕБНОЙ ЧАСТИ

— Какой Вашъ билетъ?

— Неудачный, Г-нъ Полковникъ!

— Нѣтъ, не то — по номеру какой?

— Третій отъ конца, самый трудный, — еще до репетиціи всѣ его боялись, Г-нъ Полковникъ!

— Да какая ужъ тамъ разница?

— Точки по угламъ и жирное пятно сверху, попался случайно въ руки, — не повезло, Г-нъ Полковникъ!

— Въ чемъ же дѣло? Вашъ первый вопросъ?

— Мортирныя таблицы, Г-нъ Полковникъ!

— Ну разсказывайте!

— На доскѣ . . . все написано, Г-нъ Полковникъ!

— А? Такъ! Вѣрно! Ну а какія же существуютъ вообще таблицы?

— Таблицы есть самыя разнообразныя, Г-нъ Полковникъ, смотря кому какая понадобится ! . .

— Вотъ, такъ, хорошо, благодарю Васъ! Слѣдующій ! . .

Старый фельдфебель

Разъѣздъ

У раскрытаго настежь окна казармы стоитъ группа юнкеровъ 13-го ускореннаго курса, съ затаенной печалью глядя на красоты Божьяго міра. Лица пасмурны, брови нахмурены, всѣ явно не въ духѣ. Еще бы! Въ расписаніи лекцій значится матеріальная артиллерія — два часа подрядъ. А потомъ фортификація! А тутъ какъ на зло за окномъ весело сіяетъ апрѣльское солнышко, съ Марицы тянетъ легкій, ласкающій вѣтерокъ и доноситъ до мрачной казармы ароматъ расцвѣтающихъ яблонь...

— И въ такую погоду торчать въ капонирѣ и слушать какъ Безакъ расписываетъ устройство лафета! — съ горечью замѣчаетъ юнкеръ Пахіопуло. — Тьфу!

— Будь другая лекція — еще полъ бѣды, а у Безака не заснешь, живо накроетъ, — добавляетъ юнкеръ Липкинъ, виртуозъ по части спанья на лекціяхъ.

— Хоть бы ужъ производство скорѣй, — мечтательно говоритъ Жожо Давыдовъ. — Сколько дней еще осталось?

— Восемьдесятъ два!

— Опупѣть можно!

— Ребята, кто въ разъѣздъ? — робко освѣдомляется Борисъ Островскій послѣ минутной паузы. Группа вздрагиваетъ, какъ подъ ударомъ хлыста. Всѣ чувствуютъ, что вопросъ попалъ въ самое сердце и гирей тяжелаго искушенія нависъ надъ голосомъ разсудка.

— Что ты, у Безака? Скандалъ будетъ! — нерѣшительно говоритъ Пахіопуло.

— Ни черта не будетъ! У Безака никогда не ловчатъ, народу будетъ до бѣса; онъ и не замѣтитъ, что нѣсколько человѣкъ отсутствуетъ!

— Конечно, — поддерживаетъ Каратѣевъ, — къ тому же надо быть форменнымъ скотомъ, чтобы въ такой день торчать на лекціи! Я съ тобой, Борисъ!

— Да и я поплетусь, — присоединяется Липкинъ.

Островскій и Каратѣевъ хронически пребываютъ въ третьемъ разрядѣ и до самаго производства обложены уже всѣми видами существующихъ наказаній. Липкинъ приблизительно въ такомъ же положеніи. Поэтому терять имъ особенно нечего и они, не торопясь, начинаютъ собираться вмѣсто лекціи на рѣку.

Остальные смотрятъ на нихъ съ затаенной завистью. Кой у кого въ мысляхъ проносятся портупейскія лычки... Вѣдь если поймаютъ, то не видать ихъ, какъ своихъ ушей!

— Я тоже пойду, — солиднымъ баскомъ заявляетъ Феоктистовъ послѣ короткой душевной борьбы.

— Собственно, я дежурный трубачъ, — говоритъ въ раздумьи Пахіопуло, — а то и я бы пошелъ. Впрочемъ, я попрошу Петьку Вицына подать за меня сигналъ!

Жожо Давыдовъ, чтобы устоять передъ искушеніемъ, быстро спускается въ капониръ, подбадривая себя тѣмъ, что знать устройство лафета каждому порядочному артиллеристу совершенно необходимо.

„Разъѣздъ" по одиночкѣ направляется „на западъ", т. е. къ стоящей далеко въ полѣ уборной. Здѣсь они внѣ подозрѣній. Хорошенько оглянувшись по сторонамъ, перебѣжать отъ уборной въ ближайшій оврагъ и спуститься въ долину маленькой рѣченки „Юрочки", тоже довольно просто.

— Здѣсь уже не поймаютъ! — говоритъ Ѳеоктистовъ, разстегивая воротъ рубашки.

Лица мгновенно преображаются. Легкія дышатъ полной грудью, глаза весело бѣгаютъ по сторонамъ, на уста сами собой лѣзутъ безъ всякаго повода радостныя улыбки.

— Топаемъ на обычное мѣсто? — освѣдомляется Пахіопуло.

— Ну, а куда жъ еще? Тамъ поснимаемъ рубахи, окунемся въ воду, да на солнышкѣ поваляемся!

— Можно будетъ и въ „зубаря" сыграть! Ножикъ кто нибудь захватилъ?

— А то какъ же! — успокаиваетъ Липкинъ, — спеціально для этого и взялъ съ собой!

Идти было недалеко. Въ полуверстѣ отъ казармы отлогій берегъ „Юрочки" образовывалъ уютную, поросшую травой полянку, утопающую въ тѣни раскидистыхъ ивъ. Кругомъ не было ни проѣзжихъ дорогъ, ни обрабатываемыхъ полей и мѣсто это для „разъѣздовъ" являлось самымъ удобнымъ. Кромѣ того, мелкая сама по себѣ рѣченка здѣсь образовывала довольно глубокую яму, въ которой можно было при желаніи кое какъ выкупаться.

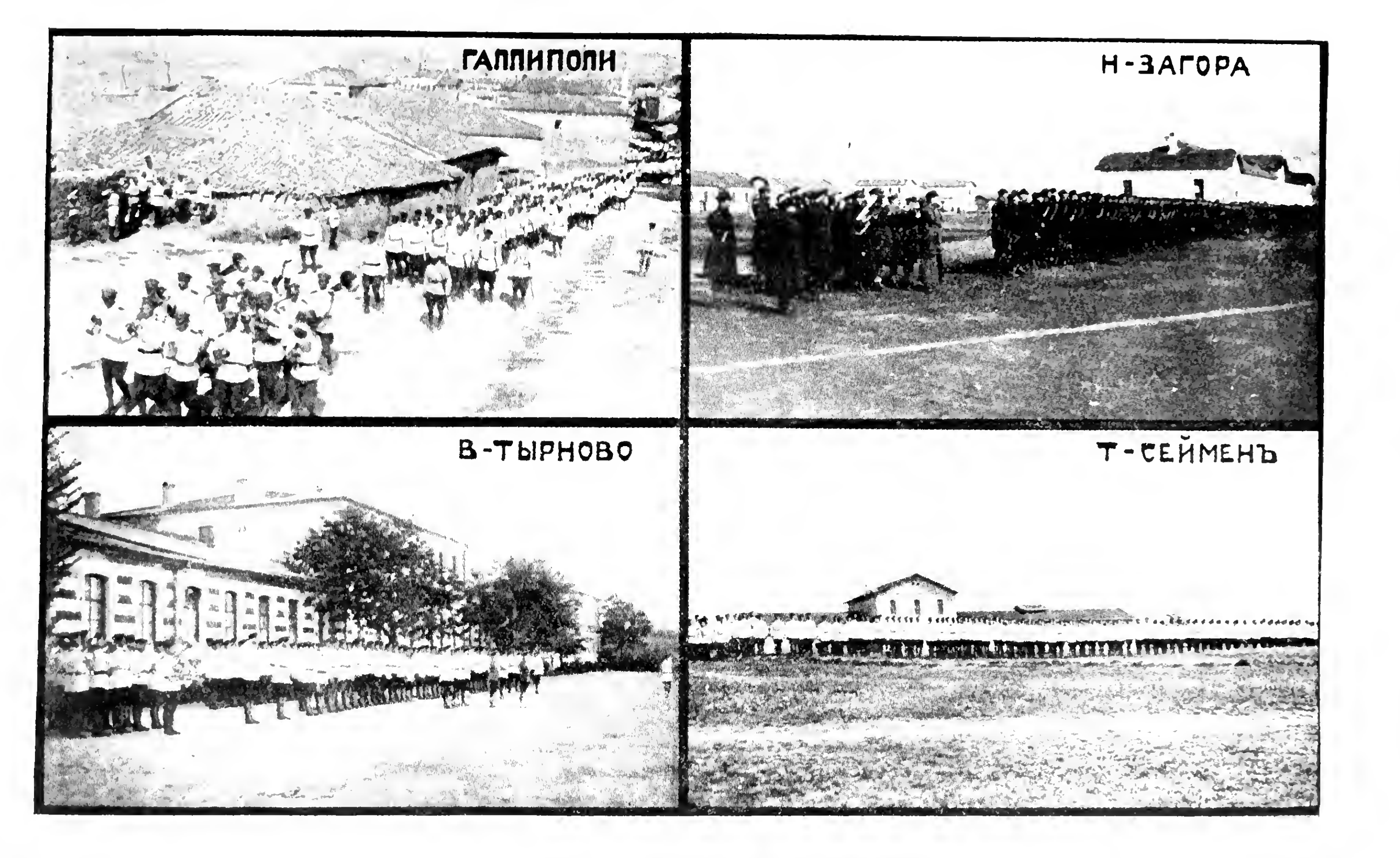
— Ого, да здѣсь уже есть разъѣзды! — говоритъ Ѳеоктистовъ, первымъ выходя изъ за поворота, — кажется третье отдѣленіе.

Дѣйствительно, на полянкѣ мирно копошилось съ десятокъ юнкеровъ, быстро вскочившихъ при видѣ приближающихся.

— Не бойсь, свои! — крикнулъ Пахіопуло. На полянкѣ опять улеглись и занялись своимъ дѣломъ. Разъѣздъ между тѣмъ приблизился.

— Да васъ тутъ полъ отдѣленія! — констатировалъ Островскій, — что у васъ такое?

— Оптическіе приборы, а потомъ два часа теоретической артиллеріи, — отвѣчаетъ Флейшеръ, — Если Колтуновъ въ хорошемъ настроеніи и на „приборахъ" не залопаетъ, то дѣло въ шляпѣ. „Лямду" не приходится бояться!

ГАЛЛИПОЛИ
Н-ЗАГОРА
В-ТЫРНОВО
Т-СЕЙМЕНЪ

— А вы что, въ картишки здѣсь чешетесь?

— Въ преферансъ. Здорово идетъ на лонѣ природы! Только вотъ Васька Островскій играетъ какъ сапожникъ, все настроеніе портитъ.

— Пошла ты въ болото! — высокимъ голосомъ, какъ-то не вяжущимся съ его дюжей фигурой, огрызается Островскій. — Вы играть не умѣете, а не я! Кстати, я и играть не хотѣлъ, мнѣ надо здѣсь постирать гимнастерку. Можетъ изъ васъ кто-нибудь меня замѣнитъ? — обратился онъ къ подошедшимъ.

— Ну его къ лѣшему! Въ такую погоду и думать лѣнь!

— А вонъ еще кто-то идетъ! — указываетъ Липкинъ на двѣ фигуры, появившіяся изъ за поворота. — Тихоновъ и Поликарповичъ.

— Добро пожаловать! — привѣтствуютъ ихъ, — только васъ здѣсь, кажется, и не хватало!

— Борисъ, хочешь вмѣсто меня въ преферансъ? — предлагаетъ Островскій.

— Не могу. Я обѣщалъ позаниматься съ Поликарповичемъ артиллеріей. Пахіопуло, Липкинъ, и вамъ полезно послушать.

— Пошелъ ты въ трещину! — обижается Липкинъ. — Отъ Безака удрали, чтобъ твою лекцію слушать!

Оба устраиваются подъ деревомъ въ сторонѣ отъ остальныхъ и разворачиваютъ записки по артиллеріи.

Черезъ нѣкоторое время доносятся голоса:

— Да я же тебѣ вчера все это разжевалъ и ты на ять понялъ? Что жъ, забылъ уже?

— Забылъ, — признается Поликарповичъ, думающій въ этотъ моментъ о томъ, какъ славно журчитъ ручеекъ и какъ хорошо пахнутъ за рѣкой яблони. Черта тутъ сосредоточишься на этихъ проклятыхъ формулахъ!

— Ну, слушай, дубина! — какъ сквозь сонъ доносится до его сознанія голосъ Тихонова, — я еще разъ объясню, но смотри, будь внимателенъ!

Поликарповичъ тяжело вздыхаетъ, проводитъ рукой по лбу и на минуту превращается въ олицетворенное вниманіе.

— Фу, черти, всю красоту природы испохабили своей артиллеріей! — негодующе говоритъ Феокстистовъ, приподнимаясь на локтѣ. — Ребята, кто въ зубаря?

— Я! Я! — раздаются голоса, — только давайте сначала раздѣнемся и окунемся въ воду!

Предложеніе принято и компанія, быстро разоблачившись, направляется къ берегу ручья. Яма маленькая, окунаться можно только по очереди и первымъ лѣзетъ въ воду толстый и грузный, какъ буйволъ, Феоктистовъ.

— Ну васъ къ черту съ купаньемъ, всю воду мнѣ замутили! — ругается Васька Островскій, усадившій вмѣсто себя за карты Крылова и занимающійся стиркой.

— Ничего, Вася, тебѣ спѣшить некуда, подождешь пока вода отстоится, — успокаиваетъ Кашкадамовъ.

— А тебѣ куда спѣшить?

— Какъ куда? А Тита Васильевича изводить!

Титъ Васильевичъ Письменный, мрачный и нелюдимый, здоровый какъ зубръ юнкеръ, лежитъ поодаль съ книгой въ рукахъ. Извести приставаніемъ Тита и довести его до бѣлаго каленія — было любимымъ занятіемъ юнкеровъ второго отдѣленія, а Кашкадамова въ частности.

Окунувшись въ воду, компанія возвращается подъ дерево и усаживается въ кружокъ. Липкинъ открываетъ большой перочинный ножъ и ловко подбрасываетъ его въ воздухъ.

Игра состоитъ въ томъ, чтобы, бросая ножъ различными способами, втыкать его въ землю. Закончившему циклъ положенныхъ упражненій послѣднимъ, въ землю вбивался небольшой колышекъ, при чемъ каждый могъ ударить по его верхушкѣ одинъ разъ. Если игроковъ бывало много, а почва мягкая, то колышекъ уходилъ въ землю весь цѣликомъ. Проигравшему надлежало вытащить его зубами безъ помощи рукъ.

Первую партію проигралъ Борисъ Островскій. Ему забили колъ въ уровень съ землей, такъ что уцѣпиться зубами было не за что.

— Ну тащи!

— Ахъ, черти! Это жъ хамство такъ забивать, тутъ и взяться не за что!

— Ничего! Богъ не зря тебѣ такую здоровую носяру отпустилъ! Ты имъ расковыряй вокругъ землю, вотъ и ухватишься!

Послѣ долгой ругани Борисъ убѣждается, что ничего иного не придумаешь, и слѣдуетъ совѣту. Зрители катаются по травѣ отъ смѣху, глядя какъ „Бекасъ“ длиннымъ носомъ проворно подкапываетъ колъ. Наконецъ, онъ выдернутъ, Островскій, ругаясь, бѣжитъ къ рѣчкѣ мыть перепачканный носъ и игра возобновляется.

— Ты, востропузый Гаврилычъ, оказывается еще хуже Васьки играешь! — доносится изъ подъ сосѣдняго дерева голосъ Флейшера, — я ему вышелъ послѣднюю пику и жду отвѣта, чтобы крыть козыремъ, а онъ знай черву засмаливаетъ!

— Да что жъ мнѣ было родить пику, если у меня ея не было!

— Съ трефъ бы ходилъ, гвоздикъ, а ты предпочелъ ему короля червей отыграть!

— А что это за сволочь — Эйлерова палатка? — слышится съ другой стороны голосъ Поликарповича, — это вѣроятно что-нибудь вродѣ Марабу?

— Самъ ты Марабу, ишакъ, — соболѣзнующе разъяс-

няетъ Тихоновъ, — ни хрѣна ты не сдашь репетиціи и выгонятъ тебя къ чертовой бабушкѣ!

— Титъ, а Титъ! — кричитъ Письменному Кашкадамовъ, примостившись изъ благоразумія на противоположномъ берегу ручья, — такъ ты, значитъ, по гражданскому Титъ, а по церковному какъ?

— Пошелъ ты къ нечистой матери! — огрызается Титъ, постепенно накаляясь.

У „зубаристовъ" между тѣмъ закончилась вторая партія и очередной колышекъ подъ градомъ остротъ и шутокъ тянетъ теперь Каратѣевъ.

— Копай, копай, Миша, — поощряютъ его, — тебя тоже Господь носомъ не обидѣлъ; видишь, теперь и пригодился!

Такъ проходитъ часъ. Послѣ „оптики" — лекціи капитана Колтунова — изъ казармы приходитъ значительное пополненіе.

— Ну что, Колтунище никого не засыпалъ? — спрашиваютъ у нихъ.

— Какой тамъ! Даже не посмотрѣлъ сколько народу въ аудиторіи. Все въ окно поглядывалъ и вздыхалъ, — видно самъ бы не прочь въ разъѣздъ, да чины не пускаютъ!

Пополненіе быстро распредѣлилось по группамъ. Одни присоединились къ играющимъ въ зубаря, другіе принялись подавать совѣты преферансистамъ, третьи отправились бить лягушекъ. На лужайкѣ теперь человѣкъ двадцать пять. Большинство безъ рубахъ, нѣкоторые совсѣмъ голые — словомъ идиллія полная. Опасности никто не ожидаетъ — начальство въ эти края не заглядываетъ и потому ни сторожевого охраненія, ни другихъ мѣръ предосторожности нѣтъ и въ поминѣ.

— Колтуновъ! Драпай! — раздается вдругъ сдавленный крикъ Кашкадамова.

Большинство не трогается съ мѣста, надѣясь, что это шутка. Нѣкоторые вскакиваютъ и озираются и только самые стрѣлянные воробьи, не теряя ни мгновенія, бросаются въ кусты...

Черезъ секунду всѣ понимаютъ, что все кончено и драпать уже поздно и безсмысленно: Колтунова замѣтили только тогда, когда онъ вплотную подошелъ къ бѣглецамъ и теперь медленными шагами, понуривъ голову и ни на кого не глядя, онъ шелъ черезъ толпу растерянныхъ юнкеровъ.

— Встать! Смирно! — скомандовалъ Феоктистовъ, окончательно теряясь.

— Ты бы еще съ рапортомъ подошелъ! — шепнулъ ему Пахіопуло.

На Колтунова команда не произвела никакого впечатлѣнія. Не ускоряя шага и не поднимая головы, онъ брелъ черезъ лужайку, усыпанную полуголыми юнкерами, съ такимъ видомъ, словно пересѣкалъ самую безлюдную часть Сахары.

Перейдя ручей, онъ вышелъ на противоположный берегъ и медленно сталъ подниматься по тропинкѣ въ гору.

Ничего не понимающіе юнкера съ недоумѣніемъ переглядывались. Капитанъ Колтуновъ былъ помощникомъ инспектора классовъ и, слѣдовательно, проступокъ сбѣжавшихъ съ лекціи касался его болѣе, чѣмъ кого-либо другого изъ начальства.

— Чертъ возьми, — говоритъ Пахіопуло, — вотъ и раскуси орѣшекъ! Докладывать курсовымъ офицерамъ, что мы поймались, или не докладывать?

— Да, положеніе пиковое! — поддерживаетъ Флейшеръ — доложить мы, какъ будто обязаны, но съ другой стороны Колтуновъ можетъ быть не захочетъ поднимать исторіи и смолчитъ. Въ этомъ случаѣ мы не только сами себя высѣчемъ, но еще и его подведемъ.

— Конечно, не докладывать, — горячо говоритъ Борисъ Островскій, — человѣкъ яснѣе яснаго далъ понять, что онъ никого не желалъ ни видѣть, ни слышать!

— Ясное дѣло, — раздаются голоса, — онъ самъ вылѣзъ погулять, а ловить насъ и въ мысляхъ не имѣлъ! Иначе онъ бы раскричался и всѣхъ переписалъ! Ясно, какъ Божій день, что онъ нарвался на насъ случайно!

— Нѣтъ! это надо выяснить, — говоритъ Феоктистовъ. А знаете что? Я пойду у него спрошу!

— Брось, Сережка, неловко, — удерживаютъ его, но Феоктистовъ уже на другомъ берегу и ничего не слышитъ.

— Господинъ Капитанъ, вѣдь вы насъ не видѣли? — ласково спрашиваетъ онъ, догнавъ Колтунова.

— Я и теперь васъ не вижу! — мрачно буркнулъ Колтуновъ, не поднимая головы.

— Покорно благодаримъ, господинъ капитанъ! — съ чувствомъ произноситъ Феоктистовъ, поспѣшно ретируясь.

О происшествіи рѣшено было никому не докладывать. Колтуновъ тоже не обмолвился о немъ ни словомъ. Напоровшись на таборъ удравшихъ юнкеровъ, какъ они вполнѣ правильно предположили, совершенно случайно, — онъ сразу замѣтилъ, что здѣсь сосредоточился весь цвѣтъ третьяго разряда, которому въ случаѣ поимки грозитъ исключеніе. Губить людей за два мѣсяца до производства ему не хотѣлось, а незамѣтно уйти онъ уже не могъ, такъ какъ его въ этотъ моментъ увидѣли. Оставалось только пройти „не замѣтивъ", что онъ и сдѣлалъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, вспоминая эту исторію, онъ объяснялъ, что не счелъ себя въ правѣ „засыпать" юнкеровъ, такъ какъ тоже былъ въ „самодралѣ". День былъ настолько хорошъ, что, бросивъ въ инспекторской срочную работу, онъ и самъ „инкогнито" отправился побродить по лугамъ.

Мы, конечно, увѣрены, что будь это даже не такъ, нашъ

милый Михаилъ Макаровичъ все равно „не погубилъ" бы околдованныхъ весной и согрѣшившихъ противъ храма науки шелопаевъ. Вѣдь эта весна каждому живому и способному чувствовать человѣку нашептывала одно и то же...

М. Каратѣевъ.

КЛОЧКИ ВОСПОМИНАНІЙ

Пора и счастья, и страданья,
Счастливой юности пора!..
Гдѣ вы, живущіе въ изгнаньѣ,
Лихіе САУ юнкера?
Ужъ десять лѣтъ съ тѣхъ поръ промчалось,
Когда мы съ вами распрощались.
Друзья! Любимые друзья,
Теперь забытъ ли вами я?
Иль, испивая горе наше,
Ниспосланное всѣмъ судьбой,
Борясь съ житейской суетой,
Вы вспоминаете о Яшѣ?
А я, друзья, по этотъ часъ
И помню, и люблю всѣхъ васъ.

ГЛАВА I.

1.

Мой другъ былъ ростомъ невысокій,
Лицомъ пригожъ и недуренъ,
Былъ строенъ, хоть въ кости широкій,
И звонкимъ смѣхомъ одаренъ.
Любилъ веселье въ жизни нашей
И эту жизнь онъ полной чашей,
Еще не вѣдая вина,
Желалъ испробовать до дна.
Онъ чуждъ чинамъ былъ и карьерамъ,
И въ наши юные года,
Я вамъ сознаюсь, господа,
Мечталъ быть горнымъ инженеромъ.
И это все. Вотъ былъ каковъ
Иванъ Иванычъ Темляковъ*)

2.

Когда взбѣсившейся стихіи
Девятый красный, дикій валъ
Послѣдній уголокъ Россіи
Въ безумствѣ пьяномъ заливалъ,
Въ Крыму, у сходенъ парохода,
Въ толпѣ несчастнаго народа,
Который, самъ куда не зналъ,
Отъ красной нечисти бѣжалъ,
Его мы снова увидали.
— „Какъ, Ваня, ты, и вольноперъ!
Скажи, давно-ль, съ какихъ же поръ?"
Мы обнялись и замолчали:
Онъ мнѣ казался нелюдимъ.
Мы молча покидали Крымъ.

3.

И началася Одиссея,
Невѣроятная, какъ сонъ.
Плыви же, Матушка Рассея,
Какъ старый челнъ, по волѣ волнъ.

---

*) Лицо вымышленное.

Пять дней мотало насъ на морѣ,
Но въ этомъ было мало горя—
День на шестой нашъ пароходъ
Вдругъ утерялъ свой пышный ходъ.
Акулы зубы ужъ точили
И собирались къ намъ на пиръ,
Но въ это время на буксиръ
Насъ англичане прицѣпили,
И черноморскихъ волнъ просторъ—
Прощай: мы въѣхали*) въ Босфоръ.
Тамъ мы стояли три недѣли.
Дѣла, изъ рукъ вонъ какъ, плохи:
Одинъ день ѣли, пять не ѣли—
Каралъ Господь насъ за грѣхи.
Мы пили воду изъ пролива,
И хоть была она „горчива“,
Но при наличьи манныхъ крупъ
Не пейте чай, варите супъ.
Мой другъ, мудръ точно Далай-Лама,
Коль онъ не у большевиковъ,
Не пропадетъ же Темляковъ
Въ гостяхъ у вѣрнаго Ислама.
И онъ открылъ въ себѣ талантъ—
Мой Ваня нынѣ коммерсантъ.

5.

Ботинки, старыя обмотки,
Носки, кальсоны и мундиръ
Онъ промѣнялъ у турка съ лодки
На хлѣбъ, халву и на инжиръ.
Когда же на вторыя сутки
Мы ощутили вновь въ желудкѣ
Довольно ясно пустоту,
Проснувшись рано по утру,
Мой другъ пустилъ въ ходъ всѣ резервы
И въ результатѣ этихъ дѣлъ

*) Авторъ проситъ прощенія у моряковъ.

Онъ и меня съ собой раздѣлъ.
Но успокаивая нервы,
Онъ про себя пробормоталъ:
„Владѣетъ міромъ капиталъ!“

6.

Хоть утѣшенья въ этомъ мало,
Когда бѣлью и смѣны нѣтъ,
Но сердце юное не знало
Тогда ни горести, ни бѣдъ.
Мы все же кой-какъ проживали,
Когда вдругъ, Богъ вѣсть какъ, узнали,
Что, наконецъ, и въ добрый часъ
Везутъ въ Галлиполи и насъ.
Полки ужъ тамъ квартировали,
И только съ Темляковымъ мы,
Среди бѣжавшей штатской тьмы,
Въ Константинополѣ застряли.
Но пройденъ трудный этотъ путь,
Съ надеждой легче дышетъ грудь.

7.

Осенній вечеръ былъ дождливый;
Галлиполійскихъ береговъ
Ландшафтъ неважный и тоскливый
Обводитъ взоромъ Темляковъ.
Что уготовано судьбою,
Мой милый другъ, намъ здѣсь съ тобою:
Изгнанникамъ бездомнымъ смерть
Иль обѣтованная твердь,
Клочекъ земли, откуда съ вѣрой,
Невѣдомой до нынѣ намъ,
Къ роднымъ Россійскимъ берегамъ
Насъ поведутъ рукой умѣлой?
Кто дастъ на это намъ отвѣтъ?..
Ужъ ночь кругомъ, просвѣта нѣтъ.

8.

Какъ проживали мы въ палат-
кахъ,
Какъ поѣдали черепахъ,
При всѣхъ лирическихъ задат-
кахъ,
Не разсказать мнѣ вамъ въ сти-
хахъ.
Талантъ у насъ вѣдь неглубокій,
Стихъ—плоховатый, кривобокій,
Для Музы мнѣ не по плечу
Возжечь пудовую свѣчу;
Ужъ проживемъ мы на огаркахъ,
И, Муза, ты меня прости,
Придется намъ кой-какъ снести
Твой видъ въ компрессахъ и
припаркахъ,
Что ставитъ нашихъ дней поэтъ
На разлюбезный твой портретъ.

9.

Я помню, пѣсни раньше лились,
Трещалъ, ломался карандашъ!
Но времена тѣ удалились,
Я слышу голосъ: — „екъ кар-
дашъ“ —
И изъ Софіи, и Парижа,
И изъ далекихъ мѣстъ, и ближе
Твердятъ и пишутъ въ унисонъ:
—„Поэтъ, ты потерялъ свой
тонъ!“
Но даже не моргнувъ рѣсницей,
Я всѣмъ своимъ друзьямъ въ
отвѣтъ
Пишу, что живъ еще поэтъ,
Что порохъ есть въ пороховъ-
ницѣ;
И въ томъ, что сталъ другимъ
мой нравъ,
Отецъ Мамушинъ, ты не правъ!

10.

Я такъ же веселъ и безпеченъ
Пою любовь въ моихъ стихахъ
И до сихъ поръ не обезпеченъ
Я теплымъ мѣстомъ въ небе-
сахъ.
За всѣ грѣхи и прегрѣшенья
Надѣюсь вымолить прощенье,
Въ тотъ судный день, въ тотъ
страшный часъ,
Когда Казьминъ построитъ насъ
Всѣхъ для послѣдняго парада
И покаянія въ грѣхахъ;
Теперь же я погрязъ въ долгахъ
И жизнь веду не такъ, какъ надо,
Да въ утѣшенье пью одно
Карабунарское вино.

11.

Да, молвить правду, родъ занятій
Меня отъ Музы оторвалъ:
Средь этихъ горскихъ предпрія-
тій*)
Давно я лирой не бренчалъ.
Но вотъ на это вамъ резоны:
Гружу я доски на вагоны
И намотаюсь такъ за день,
Что прихожу домой, какъ тѣнь;
Въ спинѣ ломота, жажда гло-
жетъ,
Башка туманна и трещитъ,
И мой собачій аппетитъ
Насытиться ничѣмъ не можетъ.
И гдѣ же, братцы, такъ сказать,
На лирѣ вамъ еще играть.

12.

Но, господа, прошу прощенья,
Пускай никто не будетъ золъ:
Творя свое произведенье,
Я разскакался, какъ козелъ.
Въ порядкѣ спѣшномъ и удар-
номъ
Пишу въ размѣрѣ планетарномъ
Для Софіи, Праги, Парижанъ
Свой „историческій“ романъ,
И не испортитъ въ немъ фасона,

---

*) Българска Горска Индустрия — мѣсто гибели молодого таланта.

Что между сихъ небрежныхъ строкъ
Вспорхнула, точно мотылекъ,
И моя личная персона.
Но стопъ! Довольно! въ этотъ разъ
Я продолжаю свой разсказъ.

13.

Разнообразя вѣкъ свой куцый,
Сидимъ по волѣ всѣхъ боговъ
Мы безъ аннексій, контрибуцій
У Дарданельскихъ береговъ.
Но духъ отваги живъ донынѣ:
Мы чинимъ старыя штанины
И бьемъ съ утра и до утра
И змѣй, и блохъ et cetera;
Вотъ сихъ послѣднихъ элементовъ,
Какъ ни пытались ихъ избить,
Не въ силу было побѣдить
Остаткамъ русскихъ контингенгентовъ.
Бросаетъ Темлякова въ дрожь—
Непобѣдима злая вошь.

14

Но только солнышко пригрѣло,
Зима утратила права,
Кругомъ трава зазеленѣла
(Кусты ушли всѣ на дрова)
И началось вездѣ ученье,
Занятья, строй, бесѣды, чтенье,
И вотъ надъ нами гордо такъ
Зарѣялъ снова Русскій флагъ.
Гдѣ жъ вы, вожди, чья сила воли
Въ странѣ далекой и чужой,
Какъ память о землѣ родной,
Создала славу Галлиполи?
Васъ нѣтъ въ живыхъ, коварный рокъ
Изъ терній сплелъ для васъ вѣнокъ.

15.

Щадили пули васъ въ сраженьи,
Мечъ не коснулся васъ въ бою...
Читатель памяти священной
Склони ты голову свою.
Одинъ зарытъ здѣсь на чужбинѣ,
Другой невѣдомо донынѣ
Какой и гдѣ пріялъ конецъ,
Но знайте—тысячи сердецъ
Здѣсь бьются вашею любовью,
И за Россію, и за васъ,
Когда придетъ расплаты часъ,
Намъ врагъ расписку выдастъ кровью,
И страшной будетъ эта месть
За васъ, за Родину, за честь!

16.

Весны извѣстны всѣмъ размахи—
Цвѣтовъ и травъ ассортиментъ.
На насъ всѣхъ бѣлыя рубахи,
Цвѣтной по формѣ фуражментъ.
И дисциплины строгой ради
Намъ часто дѣлали парады,
Эхъ, были части хороши
Подъ властью у Кутепъ-паши!
Какая выправка и стойка,
За рядомъ въ даль уходитъ рядъ—
Полки могучіе стоятъ,
Блеститъ на солнцѣ штыкъ винтовки,
И уголокъ Руси нашелъ
У насъ профессоръ Карташевъ.

17.

Мы съ Темляковымъ подтянулись,
Куда до прежнихъ тутъ проказъ!
Ломалась воля, а не гнулась—
Суровъ Кутеповскій приказъ.
Въ одномъ лишь было наше горе,
Что тамъ въ пустынномъ Галлиполи
Такъ малъ французскій былъ паекъ,
Что насъ насытить онъ не могъ.

Пусть птичка Божія не знаетъ
И ни заботы, ни труда,
И, если хочетъ, никсгда
Въ амбары хлѣбъ не собираетъ,
Но вѣрьте русскій человѣкъ
Не проживетъ безъ пищи вѣкъ.

18.

Мы бойко мыломъ торговали
(Его кардашъ на хлѣбъ мѣнялъ).
Когда жъ тепло у насъ настало,
Лишились мы и одѣялъ.
Опять знакомыя картинки:
Плывутъ запасные ботинки,
И весь американскій даръ
Несетъ Ванюша на базаръ.
Но въ мірѣ есть всему предѣлы—
Имѣя фондъ богатствъ такой
Вы накормить желудокъ свой
Смогли бъ на двѣ иль три недѣли,
А дальше вновь придется вамъ
И „ни нататъкъ, ни насамъ“.

19.

Вотъ въ этомъ нашемъ положеньи,
Безъ лишнихъ и ненужныхъ словъ
Нашелъ и выходъ, и спасенье
Иванъ Иванычъ Темляковъ:
Чтобъ на подростка быть похожу,
Свою онъ чисто выбрилъ рожу,
Согнулъ колѣни роста для
И сталъ какъ малое дитя.
И претъ съ улыбкою невинной
Сей несравненный фарисей
Въ пунктъ для питанія дѣтей
Своей походкою аршинной.
И до сихъ поръ не знаю я,
Какъ онъ сошелъ тамъ за дитя.

20.

Но все же, такъ или иначе,
Сбылись завѣтныя мечты,
Разрѣшена для насъ задача —
Теперь мы сыты: я и ты.
Хвала тебѣ и честь, и слава:
Котлета, дѣтское какао,
Рисъ, клецки, борщъ и вермишель,
И подозрительный кисель;
Насъ поддержали вы покуда
Въ той странно-бѣдной сторонѣ,
гдѣ намъ являлись лишь во снѣ
Былыя, лакомыя блюда,
Гдѣ всякъ забылъ, каковъ на вкусъ
Былъ раньше съ яблоками гусь.

21.

Чтобъ какъ-нибудь найти забвенье
И чтобъ не впасть отъ скуки въ трансъ,
Дневное кончивъ мы ученье
Садились дуться въ преферансъ.
И такъ спокойно и безпечно
Мы жили бъ, можетъ, безконечно
Но лѣта вотъ прошла пора,
И мы уходимъ въ юнкера.
Прощай, зеленыя палатки,
Линейки, ровики, грибы...
Такъ по желанію судьбы
Сложили мы свои монатки
И въ добрый и счастливый часъ
Прими въ объятья, САУ, насъ!

Глава II.

1.

За городской чертой на волѣ,
Гдѣ вѣтеръ въ полѣ лишь шумѣлъ,
Стояло САУ въ Галлиполи —
Артиллеристовъ колыбель.
И 300 душъ ея страдальцевъ
Живутъ въ казармахъ сенегальцевъ,
И чудный сей апартаментъ

Пера достойный элементъ:
Отъ крышъ остались лишь намеки,
Нѣтъ въ немъ ни оконъ, ни дверей,
И всею ветхостью своей
Онъ старъ, какъ древніе пророки;
И, какъ добавочный сюрпризъ,
Живутъ тамъ милліоны крысъ.

2.

Тамъ трубы по утрамъ звучали,
Въ наукѣ юнкеръ морщилъ лобъ,
Слова командъ врѣзались въ дали
И новыхъ знаній билъ ознобъ.
И день деньской въ строю, въ ученьи
Цвѣло младое поколѣнье,
То, что въ грядущій день и часъ,
Отцы, смѣнило бъ съ честью васъ.
Папаши, мы несчастны вдвое:
Во-первыхъ, часъ тотъ не насталъ,
А во-вторыхъ, все, что я зналъ,
Въ болгарскомъ схоронилъ забоѣ,
И параллельный вѣеръ мнѣ
Ужъ не построить и во снѣ.

3,

Но все же такъ или иначе
Въ тѣ дни вѣдь мы не дали махъ.
Идя къ намѣченной задачѣ,
Мы съ Ваней служимъ въ юнкерахъ.
И насъ, Россійскихъ пилигримовъ,
Цукаетъ Бондарукъ-Везимовъ,
Нашъ строгій старшій портупей.
Гдѣ жъ ты теперь? Отвѣть скорѣй!
Ты не исполнилъ обѣщанье
И не вернулся больше къ намъ,
Но мнѣ до нынѣ по ночамъ
Мерещится твое цуканье:
Какъ ты меня разъ семь подрядъ
Вращалъ на 360.

4.

И эти самыя вращанья,
И поворотъ на каблукахъ,
И рядъ различныхъ присѣданій
Вгоняли насъ и въ потъ, и въ страхъ.
Теперь тебѣ пою я смѣло,
Тогда жъ уста мои нѣмѣли,
И предъ тобой, мой Бондарукъ,
Не смѣлъ отнять отъ швовъ я рукъ.
И первый мѣсяцъ жизни въ САУ,
Какъ зайцы, съ Ваней мы дрожимъ,
Воспринимая тотъ режимъ,
Съ которымъ справились на славу,
И тотъ, который смогъ принесть
Намъ всѣмъ заслуженную честь.

5.

Насъ тамъ воспитывалъ Костецкій —
Лихой и бравый капитанъ,
И духъ спиртной и молодецкій
Вселилъ безсмертный Барабанъ.
Тянулъ въ строю насъ Кржижановскій,
Цукалъ безбожно насъ Лавровскій,
Не позволялъ намъ шляпой стать
Краевскій, тонный нашъ комбатъ
Не былъ холоденъ и бездушенъ
Вплоть до послѣднихъ пустяковъ,
Тѣхъ что касались юнкеровъ,
Корректный съ выдержкой Мамушинъ,

Подъ управленьемъ вашихъ рукъ
Мы проходили курсъ наукъ.

6.

А Кореневъ, Арнольдъ, Коцовскій,
Сейчасъ не вспомню всѣхъ на спѣхъ!
Гляди хоть въ „Туровъ-Михайловскій" —
Не разглядѣть отсюда всѣхъ.
А ихъ ей-ей такая масса:
Безакъ, въ тѣ дни инспекторъ классовъ
И насадитель злыхъ коловъ,
Изъ той же стаи Колтуновъ,
И Федоровъ, съ потухшей трубкой...
А папа Береговъ, а дѣдъ!
Георгіевскій — сердцеѣдъ,
Пенчо съ улыбкою и шуткой,
И между ними высшій чинъ —
Съ большущей палкоюКазьминъ

7.

Мой Богъ, а тонный Гавликовскій
(Меня онъ первый расцукалъ),
А маленькій комдивъ Грибовскій,
Что все „мордашками" насъ звалъ;
Еще въ умѣ всплываютъ лица,
Но, господа, какъ мнѣ ни биться,
Не описать перомъ всѣхъ ихъ —
Я говорилъ, что слабъ мой стихъ.
Но чтобы этой вотъ картинѣ
Еще пышнѣе фонъ придать,
Позвольте слова два сказать
О небольшомъ и скромномъ чинѣ:
Гдѣ ты, владѣлецъ хищныхъ лапъ,
Обжоринъ, ловкій нашъ арапъ?

8.

Проходятъ дни, идутъ недѣли,
Муштруютъ, учатъ, мучатъ насъ,
Мы загорѣли, похудѣли,
Но духъ нашъ бодрый не угасъ.
Все офицерство вмѣстѣ съ нами
Питалось только „лафарями"*)
За эту славную ѣду,
Обжоринъ будешь ты въ аду,
И не спасетъ ничто на свѣтѣ,
Какъ и на этомъ, такъ на томъ,
Тебя, нашъ толстый гастрономъ
За тѣ консервныя котлеты,
Что ѣлъ ты въ трудные намъ дни.
Гдѣ бъ ни былъ ты сейчасъ — икни!

9.

Но вотъ опять надежды, планы;
Полки готовятся въ походъ,
И какъ-то разъ ихъ на Балканы
Увезъ турецкій пароходъ.
Съ казармами мы распростились
И въ лагери пераселились,
Гдѣ, проживая безъ заботъ,
Мы ожидали свой чередъ.
Тамъ въ сентябрѣ, въ день 25-й,
Трубой оторванный отъ сна,
Нашъ лагерь съ кубками вина,
Великой радостью объятый,
Встрѣчалъ свой праздникъ. Этотъ день
Былъ днемъ великихъ перемѣнъ

10.

Осенній день былъ тихъ и жарокъ,
Неслися пѣсни къ небесамъ;
Былъ щедръ Кутеповскій подарокъ
Его любимымъ юнкерамъ:
Услышалъ онъ мольбы и стоны
И возвратилъ намъ тѣ погоны,

*) Сушеныя овощи — національное блюдо САУ.

Что юнкера врагамъ на страхъ
Еще носили при Царяхъ.
Прощай Керенскаго проказы,
Тебя злосчастный адвокатъ
Пускай приметъ въ объятья адъ
И заодно твои приказы.
Кантъ снятъ съ погонъ! И съ этихъ поръ
Родное „С" чаруетъ взоръ.

11.

Прошли дни осени златые,
Подулъ холодный злой нордостъ,
И тѣ порывы вѣтра злые
Не могъ сдержать палатки холстъ.
Покинутъ лагерь. Намъ отрада —
Мы всѣ въ Галлиполійскомъ градѣ
На складахъ брошенныхъ живемъ
И парохода ждемъ да ждемъ.
Послѣднія двѣ-три недѣли
Зима взяла насъ въ оборотъ,
И знаменитый городъ тотъ
Заносятъ снѣжныя метели,
И всякъ изъ насъ тогда узналъ,
Что печи лучше, чѣмъ мангалъ.

12.

Но вотъ и намъ пора въ дорогу
И весь нашъ юнкерскій народъ,
Усердно помоляся Богу,
Собой наполнилъ пароходъ.
Прощай же, милый Галлиполи,
Съ тобой намъ не встрѣчаться болѣ,
Въ другой странѣ мы бросимъ станъ —
У нашихъ братьевъ, у славянъ.
Тогда сердца къ нимъ такъ стремились,
Теперь... гмъ, да .. да что теперь?!
Мы всѣ въ отворенную дверь
Напрасно, братцы, устремились.
Да чортъ ли знаетъ, гдѣ страна,
Что намъ судьбою суждена.

13.

Гостепріимство русскій хвалитъ
Своей прекрасной старины,
Но вотъ позвольте васъ заставить
Съ другой вглядѣться стороны:
Встарь по столовымъ и гостиннымъ
Легко всѣмъ быть гостепріимнымъ,
Найдется выпить что и съѣсть
И про запасъ монетка есть.
Вы знаете, что гость желанный,
Когда придетъ тому пора,
Домой уѣдетъ со двора.
Но тяжекъ, братцы, гость незванный,
Къ тому жъ такой прелестный франтъ,
Какъ нашъ Россійскій эмигрантъ.

14.

Пути судьбы намъ неизвѣстны,
Но знаю я, и это такъ:
Что не найдетъ въ Европѣ мѣста,
Какъ Вѣчный Жидъ, себѣ руснакъ.
Законъ сей вѣчнаго движенья
Нашелъ сейчасъ же примѣненье
Лишь съ парохода мы сошли
На камни Варненской земли.
Мы продвигались безъ укора
Въ періодъ жизни небольшой
Съ неимовѣрной быстротой:
Вотъ Варна, Новая Загора,
Велико-Тырновскій нашъ „плѣнъ"
И тихій Тырново-Сейменъ.

15.

Этапы эти лишь штрихами
Я зарисую, братцы, вамъ:

Въ Загорѣ, помните вы сами,
Мы рады окнамъ и дверямъ.
Потомъ ужъ въ Тырново-Великомъ
Надѣли съ трескомъ, тономъ, шикомъ
Мы безкозырки, сапоги
И шпоры, шашки, темляки;
Блистали золотомъ погоны,
Но омрачилась вдругъ лазурь,
На небѣ видны тучи бурь
И погребенья слышны звоны.
Всѣ помнятъ гдѣ, за что, когда
Убитъ былъ юнкеръ Лобода.

16.

Затѣмъ повальные аресты
Къ разлукѣ съ многими ведутъ,
И вотъ „охота къ смѣнѣ мѣста"
Насъ снова направляетъ въ путь.
И такъ знать было неизбѣжно,
Чтобъ принялъ ласково и нѣжно
Въ непрезентабельную сѣнь
Насъ сиротъ Тырново-Сейменъ.
И въ этой самой тихой сѣни
(Хоть солнцепекъ тамъ былъ большой)
Мы отдохнули всей душой,
Не омрачали насъ тамъ тѣни.
За эту ласковость твою
Сейменъ тебя я такъ люблю.

17.

Трубитъ труба. восходитъ солнце
И съ удивленьемъ золотитъ
Черезъ открытое оконце
Пустой казармы жалкій видъ.
Мы на плацу въ сторонкѣ спали—
Клопы ужъ очень заѣдали —
Одинъ дежурный юнкеръ тамъ,
Какъ жертва, отданъ былъ клопамъ.
Схвативъ подъ мышку одѣяло,
Любой изъ насъ стрѣлой летитъ
Принять скорѣе должный видъ;
Нельзя промедлить, коль позвала,
Неумолима, какъ судьба,
Насъ всѣхъ дежурная труба.

18.

И славно мы тогда трудились
Семьею дружной небольшой,
Сердца у всѣхъ въ одинъ тактъ бились,
Одною жили мы мечтой,
Чтобъ всякъ изъ насъ душой и тѣломъ
Достойнымъ могъ быть офицеромъ
Россійскихъ славныхъ батарей
Во славу Родины своей.
Что жъ дѣлать, ежели надежды
И наши лучшія мечты,
Какъ вѣтры осенью листы,
Деревьевъ пышныя одежды,
Раздули, просто первый сортъ,
Не то судьба, не то самъ чортъ.

19.

Въ бою открытомъ иль въ сраженьи.
Мы постоимъ всѣ за себя,
Но мочутъ ли быть возраженья
Судьба—змѣя противъ тебя?
Бери тебя атакой, съ бою,
Не совладать никакъ съ тобою,
Стрѣльба въ тебя намъ всѣмъ даетъ
Иль перелетъ, иль недолетъ;
И строитъ жизнь намъ всѣмъ гримасы,
Эхъ, братцы! Намъ ли унывать?
Не совладать, такъ наплевать,
И я, собравъ слюней запасы,
Плюю ей въ профиль и анфасъ
Какъ за себя, такъ и за васъ.

20.

А было время, жизнь кипѣла!

Гдѣ вы, залетные орлы,
Куда слетѣли, гдѣ вы сѣли?
О васъ молчатъ уста молвы.
Во имя дней, что были вмѣстѣ,
Хочу узнать о васъ я вѣсти,
На перекличку становись
И каждый четко отзовись!
Гдѣ Феоктистовъ, громкимъ ржа-
ньемъ,
На зависть дикимъ жеребцамъ,
Будившій всѣхъ насъ по утрамъ,
Ты, что любовнымъ приставань-
емъ,
Переизбыткомъ грозныхъ силъ,
Съ разсудка Коптева сводилъ?

21.

Гдѣ ты, прелестная Варюшка
Съ младою скромностью своей,
Ты, Феоктистова подружка,
Любимица двухъ батарей?
Гдѣ Томашевскій другъ мой
Миша?
О немъ давно, давно не слышу
Я никакихъ совсѣмъ вѣстей.
Вернулся ль онъ къ семьѣ своей
И донесутся ль эти строки
Моихъ стиховъ къ нему туда,
Гдѣ онъ сейчасъ. И если да,
Пусть знаетъ: изъ страны да-
лекой
Шлетъ самый искренній при-
вѣтъ
Сестрѣ и Наточкѣ поэтъ.

22.

Савицкій Вася, вѣрный друже!
Я о тебѣ узналъ кой-что:
Ты сталъ теперь счастливымъ
мужемъ
И... больше, право, ничего.
Но есть вѣдь новости на свѣтѣ,
Быть можетъ у тебя есть дѣти,
И ты, судьбу чтобъ восхвалить
Сталъ чисто „л" произносить?
Гдѣ вѣрный мой Чеховичъ Сева?
Услышитъ ли меня теперь
Чехословацкій инженеръ,
И строчки этого напѣва
Тебѣ споютъ ли что-нибудь
То, отчего заноетъ грудь?

23.

Ты помнишь дачу? Той тропою
Тогда ты часто такъ ходилъ
И тамъ мечты свои съ тоскою
Ты вмѣстѣ съ сердцемъ схоро-
нилъ.
И, помню, часто ты въ волненьи
Мнѣ говорилъ свои сомнѣнья,
Когда ничто по вечерамъ
Въ бесѣдѣ не мѣшало намъ.
Что жъ ты теперь? Утѣшенъ
жизнью?...
Ахъ, чортъ возьми, что за во-
просъ!
Намъ всѣмъ наставленъ носъ
Вотъ этой женщиной капризной,
Что объ руку вдвоемъ съ судь-
бой
Творятъ и кражи и разбой.

24.

Гдѣ вы, гдѣ вы родныя лица?...
Но, господа, не странно ль вамъ,
Что сей вопросъ, на всѣхъ
страницахъ,
Твержу и вкось, и вкривь, и
впрямь?
Что жъ дѣлать? Ужъ прохо-
дитъ младость,
Межъ рукъ порхнула жизни
радость,
Разбиты вешнія мечты,
И я твержу: — „Гдѣ вы, гдѣ ты?"
Вся жизнь у насъ теперь въ
призывахъ
И недосказанныхъ мечтахъ.
Мы потерпѣли рано крахъ,
Хотѣлось пѣть въ другихъ мо-
тивахъ

И жить въ объятіяхъ мечты,
А не взывать, какъ я: „Гдѣ ты?“

25.

Но все равно. Своей тоскою
Не буду вамъ я досаждать.
Ужъ если взялъ перо рукою,
То продолжай, мой другъ, писать,
Забывъ сочащуюся рану,
Романъ по заданному плану,
Хоть, правду молвить, сей романъ
Давно ужъ потерялъ свой планъ.
Но видно такъ у насъ въ натурѣ,
Что нужно все перемѣшать
И коль начну для васъ играть
На лирѣ, кончу на бандурѣ —
Такимъ ужъ, мой читатель-свѣтъ,
Былъ призванъ къ жизни твой поэтъ.

ГЛАВА III.

1.

Отбросивъ мелкія явленья
(Они у всѣхъ насъ въ головѣ)
Я подхожу не безъ волненья
Къ послѣдней повѣсти главѣ.
Нашъ старшій курсъ по руководству
Былъ подготовленъ къ производству,
Чрезъ 30 дней науки тьмы
Должны готовы быть и мы.
А потому, традицій ради,
Былъ „генераломъ“ данъ приказъ,
Чтобы построить младшихъ насъ
Всѣхъ для прощальнаго парада,
Котораго мнѣ не назвать.
Щадя изъ скромности печать.

2.

Приказъ на нѣсколькихъ страницахъ
Затронулъ все до пустяковъ:
Начавши о командныхъ лицахъ,
Онъ кончилъ формой юнкеровъ.
Нашъ первый взводъ одѣтъ отлично,
Скажу вамъ прямо — тайны нѣтъ —
Онъ былъ почти совсѣмъ раздѣтъ.
Надѣты были для приличья
(Медамъ, не будьте вы строги)
Перчатки, шапки, сапоги
И боевыя всѣ отличья,
А вмѣсто фиговыхъ листковъ
Намъ выданъ былъ комплектъ носковъ.

3.

Второй взводъ, памяти спартанцевъ,
Стоялъ въ строю безъ верхнихъ „дрехъ“,
И лишь бѣлье американцевъ
Ихъ облегало плотно всѣхъ.
Во взводѣ третьемъ блѣдны лица:
Тамъ счетъ ведутъ на единицы
До десяти. За этотъ срокъ
Обязанъ всякъ съ главы до ногъ
Раздѣться, все сложить у стѣнки
И вновь, что можно лишь успѣть,
Скорѣе на себя надѣть.
Хвала тебѣ, нашъ Крамаренко!
За этотъ срокъ ты только смогъ
Надѣть со шпорою сапогъ.

4.

Четвертый взводъ въ пиджамахъ грязныхъ
Въ остаткахъ жалкихъ отъ „царвуль“
Несъ арсеналъ разнообразныхъ
Ведерокъ, ложекъ и кастрюль.
И съ лязгомъ, трескомъ и бряцаньемъ,

Съ кошмарнымъ адскимъ дребезжаньемъ
Предъ генераломъ“ стройно въ рядъ
Прошелъ хозяйственный нарядъ.
На этомъ кончилъ бы я смѣло,
Но въ САУ было много дамъ,
И, долженъ я признаться вамъ,
Ихъ любопытство одолѣло:
„Хотимъ цѣной своихъ головъ
Парадъ увидѣть юнкеровъ!“

5.

Отъ словъ недалеко до дѣла,
И сей прелестный слабый полъ,
Дрожа отъ страха до предѣла,
Несетъ къ окну казармы столъ.
Прикрывши личики руками,
Спѣшатъ блестящими глазами
Въ одно окно всѣ увидать
Традиціонный нашъ парадъ.
Что дальше было — мы не знали,
Но все жъ средь насъ носился слухъ,
Что захватило дамскій духъ
И въ паникѣ онѣ бѣжали.
Такъ оцѣнить изящность тѣлъ
Никто изъ дамъ и не сумѣлъ.

6.

Оконченъ курсъ и мы безъ мѣры
Счастливѣй маленькихъ дѣтей:
Сбылись мечты — мы офицеры
Россійской Арміи своей!
Прошли балы, пиры, пирушки,
Стоятъ пусты стаканы, кружки,
Напоминая пустотой
Всѣмъ намъ о бренности земной.
Другіе планы и заботы
Въ сердца впились намъ точно клещъ:
Преотвратительная вещь —
Идти намъ нужно на работы,
Не разогнуть ужъ намъ спины
Во имя „манжи“ и „храны“.

7.

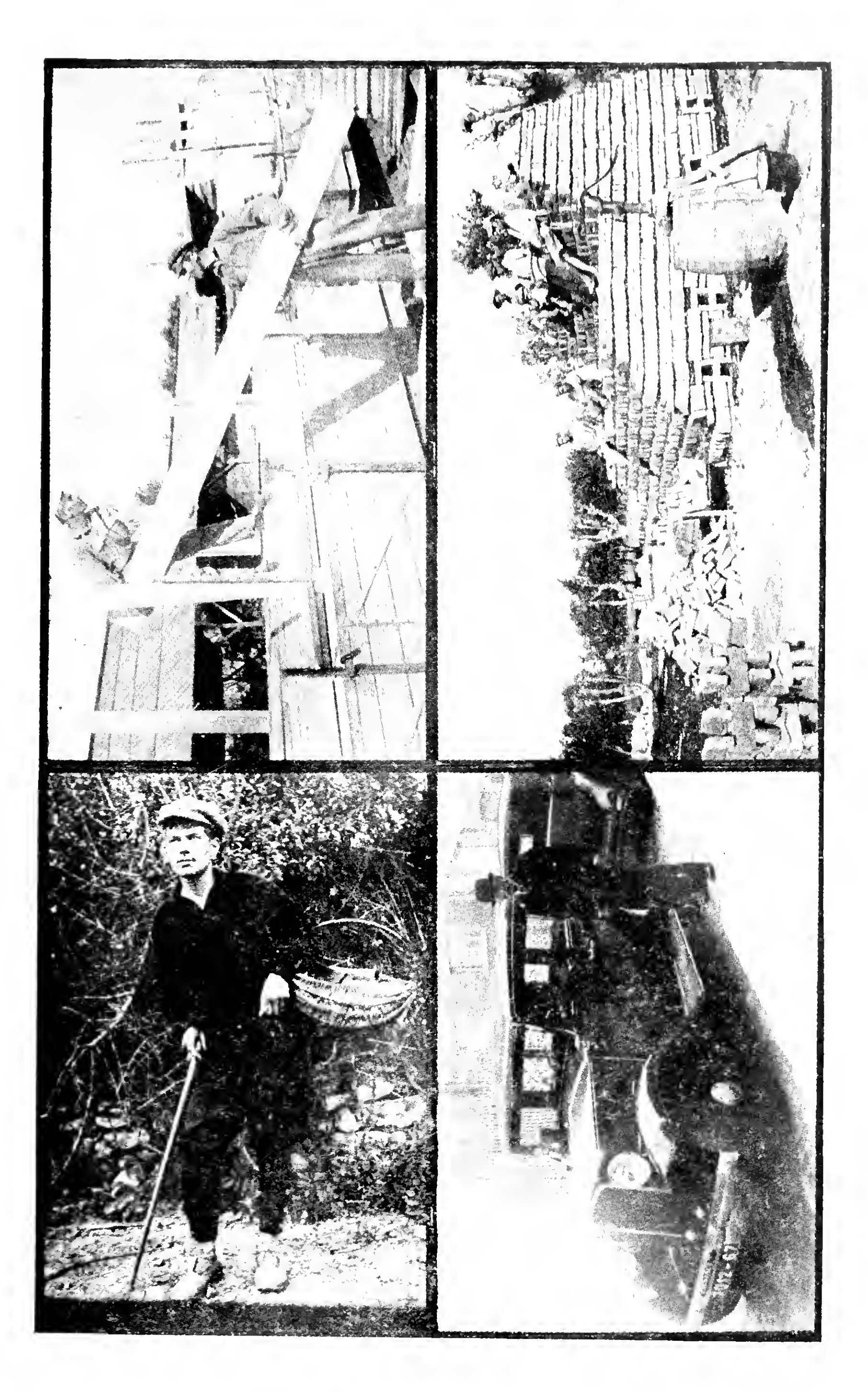
И что-жъ, работали, трудились
Мы въ потѣ тѣла и лица,
И капли пота съ насъ катились,
Какъ и до нынѣ, безъ конца.
Бывали, правда, перемѣны:
И въ тихомъ ласковомъ Сейменѣ
Для насъ готовъ былъ столъ и кровъ
И „вересия“ и... любовь.
Скажу я вамъ — всѣ это знали —
Что мы компашкой небольшой
Любили этотъ вотъ покой,
Терпя Мамушина морали,
И покидать могли Сейменъ
Съ большимъ трудомъ и то на день

8.

Мы жизнь молили о немногомъ,
Вѣдь были мы всѣ молоды!
Такъ не судите же вы строго
Насъ бѣдныхъ пасынковъ судьбы.
Тогда наивнымъ намъ казалось,
Что жизнь такъ ясно улыбалась,
Младая въ жилахъ билась кровь,
Звала настойчиво любовь.
И вотъ по этой-то причинѣ
Въ Сейменѣ „кадръ“ нашъ такъ засѣлъ,
Что и Мамушинъ не сумѣлъ,
Какъ старшій въ должности и чинѣ,
Порывы юности унять
И на работы разогнать.

9.

Цвѣла любовь весной и лѣтомъ
И хорошо намъ было жить!
Ты слышишь? Слышишь ли объ этомъ,
Мой другъ, Оссовскій Леонидъ.
Я знаю, ты сейчасъ въ кипѣньи,
Прочтя мое стихотворенье,

Софія въ день 10 лѣтія
?
Старыя "буржуазныя" привычки..........
ВЕСЕЛЫЕ СТУДЕНТЫ

За то, что безпардонно я
Воспѣлъ въ стихахъ, мой другъ, тебя.
Ну что жъ, помучайся немножко.
А все же помнишь ту пору,
Наташи пѣсни и игру,
Ея хорошенькія ножки,
Какъ ты при видѣ этихъ ногъ,
Владѣть собой никакъ не могъ.

10.

Теперь ты въ Вильцѣ, другъ мой милый
Поросъ и мохомъ и травой,
Живешь не сердцемъ, а унылой
Своею лысой головой.
А было время, какъ лѣсами,
Была покрыта волосами
Твоя башка. А нынѣ что жъ,
Ну на кого ты сталъ похожъ?
Опомнись, другъ мой, жизнь промчится,
Не воротить ушедшихъ дней...
Такъ пусть же въ старости твоей
Тебѣ весна младая снится,
Пусть снятся милыя черты,
Что такъ любилъ въ Сейменѣ ты.

11.

И я когда-то въ дни былые
Въ Руси родной, въ моей странѣ
Сплеталъ узоры голубые
И жилъ, какъ въ сказкѣ, какъ во снѣ.
Лучи отъ солнца мнѣ блистали,
Мнѣ пѣсни птицы напѣвали,
Мнѣ улыбалася весна,
А съ той весною и „она“.
Давно, давно мы съ нею разстались,
Но память о любви моей
Я сохранилъ до этихъ дней...
Куда жъ тѣ радости умчались
И кто рузрушилъ эти сны
Моей волшебницы весны?

12.

Но и теперь, когда кудрями
Уже играетъ сѣдина,
Порой безсонными ночами
Ко мнѣ является она.
И сердце вновь забьется съ болью,
Недоговоренной любовью.
И такъ грущу, тоскую я,
И такъ люблю, люблю тебя.
И ты глядишь съ такою лаской,
Съ такою нѣжностью своей,
Что этотъ взглядъ твоихъ очей
Меня уноситъ въ прелесть сказки,
Гдѣ ты царевна грезъ моя,
А королевичъ — это я.

13.

И въ эти ночи здѣсь въ изгнаньи,
Когда дремлю я въ полуснѣ,
Твой чудный образъ даръ мечтанья
Всегда зову: приди ко мнѣ.
Взгляну — ты хрупкая такая,
Ну какъ березка молодая,
Услышу смѣхъ иль голосъ твой
И снова полонъ я тобой.
Вотъ вспомнилъ... въ память мнѣ запало,
Что на груди твоей младой
Всегда былъ крестикъ золотой,
Ни разу ты его не сняла...
На немъ слова нанесены —
„Христосъ спаси и сохрани“.

14.

Ударилъ громъ, примчались грозы,
Бушуетъ красный ураганъ!
Весны моей разбиты грезы,
Тебя окуталъ злой туманъ.
Въ кроваво-красномъ пьяномъ станѣ,

Ты топишь боль свою въ стаканѣ,
Но не вино ты пьешь, а кровь
Ты продаешь свою любовь.
Ты... Но безсильна эта злоба,
Какъ предъ тобой безсиленъ я,
И для тебя не я судья,
Навѣкъ разлучены мы оба
И какъ слѣпые врозь бредемъ
Мы нашимъ жизненнымъ путемъ.

15.

Гдѣ жъ ты теперь, мечта поэта,
Кому звучитъ твой милый смѣхъ?
Увы, все въ тучахъ небо лѣта,
Жизнь не даритъ для насъ утѣхъ
За что? Къ кому намъ обратиться,
Какому богу намъ молиться,
Чтобъ эту муку, этотъ адъ
Хоть какъ-нибудь въ груди унять?
Безмолвны старыя святыни,
Молчатъ надменныя уста.
Кругомъ нѣмая пустота.
Одинъ въ мiру я, какъ въ пустынѣ...
Почто жъ Ты, Богъ великихъ силъ,
Ее не спасъ, не сохранилъ?!

16.

Но то былъ сонъ... Совсѣмъ недавно
На гарѣ №, среди тюковъ,
Грузя вагонъ, шагая плавно
Мнѣ повстрѣчался Темляковъ.
Полились рѣчи, впечатлѣнья,
Мы вспоминали тѣ мгновенья,
Когда отъ жизненныхъ заботъ
Свободенъ былъ у насъ съ нимъ ротъ.
Онъ разсказалъ мнѣ съ увлеченьемъ
Всю жизнь, касаясь общихъ ранъ.

Великъ духъ, братцы, Россiянъ,
Терпящихъ Родины крушенье,
И крѣпокъ бѣженскiй народъ,
Такъ пострадавшiй отъ свободъ!

17.

Мой Ваня эти годы даромъ,
Въ рабочемъ смыслѣ, не терялъ:
Онъ былъ шофферомъ, кочегаромъ,
По селамъ землю измѣрялъ;
Косилъ и жалъ на чьемъ-то полѣ,
Билъ уголь въ перникскомъ забоѣ,
Чертилъ для новой школы планъ,
Копалъ, садилъ, лѣпилъ саманъ;
Держалъ кирпичные заводы.
Въ Софiи, въ позапрошлый годъ
Былъ каруцаремъ у галетъ.
Въ тѣ дни, когда насъ крики моды
Пустили всѣхъ фокстротомъ въ плясъ
Онъ въ мигъ одинъ открылъ танцъ-классъ.

18.

Ну въ общемъ не было занятья,
А также должности такой,
Что, не безъ звучнаго проклятья,
Онъ не испробовалъ рукой.
И что жъ? Ужъ вы вообразили,
Что тѣ работы въ немъ убили
Его великiй Русскiй духъ?
Ничуть! Онъ самъ сказалъ мнѣ вслухъ,
Что если мы имѣли силы
Позоръ Руси перенести
И до сихъ поръ свой крестъ нести,
И не согнулись наши выи,
То ужъ теперь такихъ нѣтъ силъ,
Чтобъ Русскiй духъ убитымъ былъ!

19.

Конецъ! Клочки воспоминаній
Кружа уноситъ вѣтеръ въ даль.
Въ нихъ я воспѣлъ не безъ стараній
Свою и радость, и печаль.
И вотъ, кончая описанья,
Скажу я всѣмъ вамъ „до свиданья“,
А не холодное „прощай“.
Кто знаетъ, можетъ невзначай
Судьба помилуетъ братушку
И трубачей могучій хоръ
Сыграетъ жданный долго сборъ
И призоветъ насъ всѣхъ за пушку.
Въ тотъ свѣтлый день, счастливый часъ
Я обниму, друзья, всѣхъ васъ!

Болгарія. Май, 1933.

Г. Шевяковъ

═

НА УРОКѢ ПУЛЕМЕТНАГО ДѢЛА

— Очень просто, г-нъ поручикъ! Беру ладыгу за хвостъ... — она щелкаетъ! Другой рукой тяну ее за ножку — она — опять!.. Тогда я ее беру за горло...

— Стойте, да вы же ее задушите, юнкеръ Пушкаренко, что вы ?!

— Виноватъ!.. Беру за ногу и тяну за шею, г-нъ поручикъ!..

* * *

О ТАКТИКѢ АРТИЛЛЕРІИ

По тактикѣ артиллеріи каждый артиллеристъ долженъ всегда себя вести тактично!

* * *

11 ІЮЛЯ!..

— Въ этотъ вечеръ!.. О! я не забуду этого вечера никогда! Онъ — всегда такой спокойный и корректный въ обращеніи — въ этотъ вечеръ сошелъ съ ума! Онъ схватилъ меня (его украшеніе!..), сначала вертѣлъ въ своихъ ручищахъ, потомъ вдругъ сталъ плевать мнѣ въ лицо! Вымазалъ меня въ какую-то дряны! Дралъ мою физіономію щеткой! Опять плевался и все въемя ругался какъ какой либо нестроевикъ! — такъ жаловалась старая бляха юнкера Сошникова, наканунѣ парада въ лагеряхъ — въ Галлиполи.

Старый фельдфебель

БОЛГАРІЯ

Всѣхъ разсѣянныхъ по свѣту, но близкихъ, какъ и прежде, однокашниковъ сердечно поздравляемъ съ десятилѣтіемъ производства и десятилѣтіемъ сохраненія нашей Сергіевской семьи.

Твердо вѣримъ, что наше Училище и нашу семью мы сохранимъ до того, уже недалекаго дня, когда вернемся на Родину и въ стѣнахъ его увидимъ новыхъ юнкеровъ — нашу смѣну.

Группа Сергіевцевъ въ Софіи.

Безакъ Ник. Александр. (преподаватель въ коледжѣ) — пощ. кутия № 182, София — *„Съ вѣрою въ Сергіевца горячо привѣтствую и сердечно поздравляю два послѣдніе выпуска съ 10-лѣтіемъ ихъ вѣрной, достойной, тяжелой службы. Родному Училищу, Сергіевцамъ двухъ послѣднихъ выпусковъ, всѣмъ Сергіевцамъ предыдущихъ и будущихъ выпусковъ — „Ура!“*

Курбатовъ Ал. Ал. — Руски инвалиденъ домъ, с Княжево (Софийско) — *„Теперь же мой привѣтъ пріймите*
И чарку полную вверхъ поднимите
За Русь, за армію и за гнѣздо,
Которому роднымъ стать суждено!“

Краевскій Викт. Петр. (солистъ въ операѣ) — бул. Фердинандъ № 49, София. — *„Отъ всей души поздравляю г.г. офицеровъ III и XIII уск. выпусковъ съ 10-лѣтнимъ юбилеемъ ихъ производства въ первый офицерскій чинъ. Эти два выпуска были гордостью училища и въ юнкерское время и послѣ уже офицерами. Дай Богъ и впредь такъ же гордо и высоко нести имя Сергіевцевъ въ столь трудное время и въ столь тяжелыхъ условіяхъ.“*

Береговъ Серг. Ал. (начальникъ станціи) — трамвайна станция, с. Княжево, Софийско.

Яковлевъ Бор. Влад. ул. Мария Луиза № 31, В. Търново.

Федоровъ Бор. Яковл. (чертежникъ) – Военна фабрика Казанлъкъ.

Георгіевскій Георг. Леон. (мастеръ-подрядчикъ по желѣзо-бетону.) — ул. Криволакъ № 12, София.

Григорьевъ Ал. Георг. — Мина „Черно море", Бургасъ. — *„г. г. офицеровъ III и XIII уск. курсовъ сердечно поздравляю въ дни ихъ 10-лѣтняго юбилея. Отъ всего сердца желаю вновь соединиться и объединиться въ сомкнутыхъ рядахъ Сергіевскаго училища.*

Въ дни этого вашего торжества пожелаемъ, чтобы возможно скорѣе мы возстановили единство наше, ибо за этимъ послѣдуетъ немедленное возвращеніе на Родину".

Лебедевъ, Пав. Конст. (докторъ медицины) —

Цукровскій, Юр. Павл. (докторъ медицины) — поща, Свиленградъ — *„Крѣпкіе духомъ вы перенесли невзгоды 10-ти лѣтней тяжелой жизни на чужбинѣ. Многіе изъ васъ упорной учебой благодаря взаимной поддержкѣ удостоились дипломовъ высшихъ школъ Европы; нѣкоторые же въ неимовѣрно тяжелой обстановкѣ міроваго упадка принуждены физическимъ трудомъ добывать себѣ кусокъ хлѣба.*

Въ этой борьбѣ нѣкоторые потеряли свое здоровье, болѣе слабыхъ уже нѣтъ съ нами, но большинство съ неизмѣнной твердостью, бережно храня традиціи и завѣты славнаго С. А. У. продолжаютъ бороться за лучшее будущее.

Врачи Училища, поздравляя дорогихъ юбиляровъ съ 10-лѣтней годовщиной производства въ офицеры, шлютъ имъ свои сердечныя пожеланія здоровья, бодрости и успѣха въ жизненномъ пути, который и приведетъ насъ на Родину.

Арнольдъ, Олегъ Макс. (служба въ РОВС-ѣ) — ул. Оборище № 17, София 4.

Федоровъ, Конст. Степ. — Руски Инвалиденъ домъ с. Княжево.

Колтуновъ, Мих. Макар. (учитель) —

Остроумовъ, Бор. Вас. (экономъ) — Монастиръ св. Кирикъ, Станимака.

Барабанъ, Петръ Ив. (техникъ-мастеръ) — военна фабрика, Казанлъкъ.

Сорокинъ, Серг. Конст. (1 вып.), (секретарь Союза офицеровъ, мастеръ на фабрикѣ) — ул. Царица Елеонора № 19, София 5. — *„Послѣднихъ „молодыхъ" поздравляю съ десятилѣтіемъ выпуска."*

Браунеръ, Ал. Ал. (4 вып.) (художникъ-декораторъ, журналистъ) — ул. Бенковски № 10, Софія.

Лаптевъ Ал. Вас. (5 вып.) (чертежникъ) — бул. Дондуковъ № 99, София.

Шамраевъ Викт. Діомид. (2 вып.), (чиновникъ на фабрикѣ) — ул. Юмрукъ Чалъ № 7, София.

Красноскуловъ, Өеод. Ив. (завѣдыв. шоколадн. отдѣленіемъ) — ул. Любенъ Каравеловъ № 24, София.

Артюховъ Левъ Іосаф. (торговое дѣло) — колбасница „Довѣрие", Анхиало — *„Шлю привѣтъ всѣмъ Сергіевцамъ".*

Свящ. Безкишкинъ Яр. Конст. — Гара Гължбово — *„Поздравляетъ съ десятилѣтіемъ".*

Бетхеръ Андр. Ал. (студентъ) — бул. Ив. Асѣнъ II № 69, София 4

Власовъ Мих. Павл. (художникъ - карикатуристъ) — ул. Царица Елеонора № 24 София 5

Горѣловъ Конст. Конст. (завѣдуетъ пріемкой и погрузкой гипса.) — Гара Гължбово, поща — *„Поздравляетъ съ десятилѣтіемъ".*

Гойденко Ал. Григ. (студентъ) — ул. 11 августъ № 19, София.

Деревенецъ Ник. Влас. —

Дмитріевъ Леон. Ив. (музыкантъ) —

Загороднiй Ник. Онуф. (чиновникъ въ конторѣ) — ул. В. Търново № 23, София 4.

Земсковъ Вл. Ал. (квал. рабочій) — фабр. Балабановъ, с. Кочериново (Дупнишко) — *„Дорогихъ однокашниковъ, Сергіевцевъ, III и XIII уск. выпусковъ поздравляемъ съ десятилѣтнимъ юбилеемъ. Поднимаемъ бокалы за осуществленіе нашей общей мечты. Твердо вѣримъ, что часъ этотъ не за горами. Подписи: Орловъ, В. Шумаковъ, В. Земсковъ.*

Кириленко Конст. Григ. —

Крамаренко Ал. Феоф. — (чертежникъ)

Кузьминъ Дм. Ал. (мастеръ) — бул. Дондуковъ № 94, София.

Кузьминъ Петръ Ал. (бухгалтеръ) — ул. Дунавъ № 70, София. *Проситъ передать всѣмъ Сергіевцамъ привѣтъ.*

Макаренко Ан. Дав. (горный инженеръ) — Мина „Фереджисъ" с. Твърдица (Ново Загорско) — *„XIII уск. выпускъ является послѣднимъ заграничнымъ выпускомъ и на насъ лежитъ обязанность бережно хранить завѣты училища и переданные намъ старшими юнкерами традиціи и все это донести до Россіи, до очередного россійскаго выпуска училища."*

Островскій Бор. Евг. (мастеръ маляръ и подрядчикъ) — *„Всѣхъ Сергіевцевъ поздравляю и шлю наилучшія пожеланія.*

Пахіопуло Конст. Геор. (пожарный командиръ) — Коста Поповъ, пожаренъ командиръ, Русе —

...И собравшись въ день веселья
До тяжелаго похмѣлья.
Встаньте всѣ вы дружно, разомъ
Вспомнивъ мигъ, когда съ приказомъ
Подъ погономъ съ буквой есъ
Вамъ упали вдругъ съ небесъ
Двѣ звѣзды, кои по нынѣ
Васъ красятъ все въ томъ же чинѣ...
Встаньте!.. Взявъ бокалъ вина
(Но лишь тотъ на комъ видна
Еще лихость удалая)
И былое вспоминая,
Хотя Сейменъ и дыра,
Крикните ему . . . ура!

Поликарповичъ Бор. Вал. — ул. Раковски № 170, София.

Смирновъ Петръ Фед. (агентъ по сбору яицъ) —

Тихоновъ, Бор. Дмит. (чиновникъ въ частной фирмѣ) — ул. Герлово № 11, София 4.

Федоренко, Иг. Бор. (чиновникъ въ частной фирмѣ) — ул. Оборище № 17, София 4.

Шевяковъ, Григ. Ил. (квал. рабочій) — фабр. Балабановъ, с. Кочериново Дупнишко.

„Ура вамъ, братушки,
Безъ сабли и пушки,
Но все же лихимъ пушкарямъ,
Вамъ — нашего САУ
И гордость и слава,
Послѣднимъ его юнкерамъ!
Дай Богъ вамъ удачи
Въ рѣшеньи задачи.
Въ умѣньи найти тотъ отвѣтъ,
Что ставятъ капризно
Дни бѣженской жизни
Предъ вами вотъ 10 ужъ лѣтъ.
Вы духомъ не пали,
Средь общей печали
Вы бьетесь за жизнь, за гроши.
Но вѣтры невзгоды
За всѣ эти годы
Не выдули русской души.
Такъ будьте, родные,
И впредь полны силы,
Чтобъ легче вамъ бремя нести.
Пусть мысли, стремленья
Летятъ къ воскресенью
И къ счастью, и къ славѣ Руси!"

Шенфельдъ Ал. Г. (чиновникъ въ консульствѣ)—ул. Гурко № 9, София.

ФРАНЦІЯ.

Сердечно поздравляемъ дорогихъ юбиляровъ съ 10-лѣтіемъ производства. Подводя оцѣнку этого десятилѣтія, надо признать, что безпримѣрно тяжелыми оказались первыя десять лѣтъ нашей офицерской службы.

И, хотя парадоксомъ звучатъ слова объ „офицерской службѣ" въ нашихъ эмигрантскихъ условіяхъ, мы съ гордостью можемъ сказать, что Сергіевцы продолжаютъ службу своей Родинѣ и здѣсь, заграницей выполняя свой офицерскій долгъ.

Мы — наканунѣ конца испытаній; въ настоящее время Россія требуетъ отъ насъ объединенія всѣхъ усилій для борьбы за ея существованіе и спасеніе. Нашъ офицерскій долгъ —самимъ въ этой борьбѣ участвовать и ей помогать.

Пусть же десятилѣтній юбилей производства послѣднихъ выпусковъ Училища подчеркнетъ Сергіевскую сплоченность и ихъ готовность къ служенію Родинѣ

Группа Сергіевцевъ въ Парижѣ.

Казьминъ, Ник. Андр. (шофферъ такси) — 15, rue Royal, St. Cloud (S et O).

Мамушинъ, Вл. Ник. (безъ работы) — 38, rue de Berri, Paris — 8.

Казьминъ, Ал. Андр. —

Кржижановскій, Валер. Валер. —

Коцовскій, Анат. Вас. —

Пенчо Вл. Дмит. —

Платоновъ, Викт. Март. —

Бородаевскій Мих. Митр. —

Бѣлозоровъ, Ив. Ив. (рабочій на фермѣ) —

Бѣлокопытовъ, Ал. Діон. (хористъ) —

Булацель, Бор. Фед. (шофферъ такси) — 3, rue Adolphe Cherieaux Issy les Moulineaux. Seine.

Веледницкій, Вл, Ник. (лаверъ въ гаражѣ) — 12, rue de l'Amiral Roussin; Paris XV.

Воронинъ, Вас. Ал. —

Гюльцгофъ, Петръ Вас. —

Заикинъ, Мих. Ник. (мастеръ на шелковой фабр.) —

Ивановъ, Левъ Льв. (чертежникъ) — Entrée B. appart. 70 — 6, place Garibaldi. Tunis. Tunisie.

Залѣсскій, Пав. Ник. (мастеръ) —

Кислинскій, Вл. Мих. —

Кондратьевъ, Ген. Митр. (управляющій русс. ресторана) — 34, rue Dombasle, Paris XV.

Костюшко, Алекс. Ал. — 34, rue Viala Paris XV.

Кущинскій Бор. Н.—Restaurant. Compagnie des Phosphates Tunisie.

Маевскій, Леонидъ Фед. (рабочій на заводѣ) — Chelle sur Marne.

Матятовъ, Александръ Федор. (шофферъ) — 18, Bd. Tzarevitch, Nice (A. M.) — *„Мой искренній привѣтъ Сергіевцамъ III и XIII уск. курсовъ и поздравленія съ десятилѣтіемъ производства.“*

Момзиковъ Влад. Семен. (шофферъ такси) — garage Champlat, Megéve. H. Savoie. — *„Моихъ дорогихъ однокашниковъ поздравляю съ юбилейной годовщиной.*

Десять лѣтъ прошло съ того дня, какъ мы впервые одѣли офицерскіе погоны съ надеждой послужить Россіи на военномъ поприщѣ. Умудренные знаніемъ жизни и опытомъ будемъ готовы къ тому часу, который естественно, ближе, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ, когда потребуется нашъ умъ и жизнь для блага Родины".

Новиковъ Серг. Петр., (маляръ) 67,rue de Theatre Paris XV

Огнивенко Мих. Ефим. (старшій мастеръ).

Окуневъ Алекс. Ильичъ —

Петровъ Ник. Викт. (уборщикъ) — Nice (A. M.)

Пятницкій Алекс. Петр. (шофферъ такси) — 12, rue Traverciere Billancourt. Seine.

Синельниковъ Алекс. Анд. —

Старшиновъ Аркадій Арк. (шофферъ такси) —

Рощупкинъ Игорь Ал. (инженеръ-геологъ, шофферъ такси) — 2, av. Pinel Asnières (S).

Селиверстовъ Мих. Ив. (служба въ Упр. РОВС 24 av. de la Reine. Boulogne (S.).

Селиверстовъ Влад. Ив. (чертежникъ-топографъ) — 32, B-d Pasteur Paris XV.

Чижовъ Ник. Серг. (художникъ) — 81, rue de la Faisanderie Paris 16.

Флейшеръ, Ал. Ник. — Bd. Carnot 174 Villa „Roc fleuri" Mont Boron, Nice (A. M.).

ЧЕХІЯ

Костецкій, Стеф. Петр. (инженеръ) — Pribram II c 71. — *„Г. г. офицеровъ III и XIII уск. выпусковъ Училища прошу принять мои горячія и искреннія поздравленія и сердечныя пожеланія твердости, стойкости и отчетливости въ выполненіи взятой на себя высокой задачи — освобожденія страдающей Родины. Помоги Вамъ Богъ!"*

Ананскій, Гр. Ант. (кандидатъ инженеръ-строитель).

Базилевскій, Леон. Геор. (инженеръ-электротехникъ, фабрика косметикъ) — Ul. Milose Wurma c 3, Brno — II.

Брусянинъ, Ник. Ник. (кандидатъ инженеръ-лѣсоводъ, играетъ въ оркестрѣ и пишетъ ноты) — Veselá ul. c 33, Brno.

Бурцевъ, Петръ Петр. (инженеръ-механикъ) — Zelezárny. Blansco.

Введенскій, Дм. Дм. (инженеръ-металлургъ) — V Bezovce c 11, Plzen.

Вицынъ, Петръ Ал. (кандидатъ инженеръ-строитель) — Podbabská tr. c 1088|21 Praha-Dejvice.

Воробьевъ, Фед. Лукьян. (техникъ, безъ работы)

Давыдовъ Георг. Дм. (техникъ, поденная работа) — Kla-tovy n/Vlt. Svobodárna.

Денисенко, Ник. Ал. (агрономъ, уроки) — ul. Lehockého c 7, Mukacevo (P. Rus).

Доброговскій, Влад. Георг. — Kadan-Prunérov c 167.

Дудикъ, Конст. Фед. (инженеръ-строитель, служба на электрич. станціи) — Tusarova ul. c 551, Svinov (Slesko).

Егельскій, Серг. Петр. (инженеръ-электротехникъ, случайная работа) — Podebradová c 21 a, Brno 16.

Ивановъ, Вл. Вас. (докторъ медицины) — St. obv. lekár. Príbovce.

Каллистовъ, Бор. Ник. (кандидатъ горный инженеръ) — Pribram—IV c 63.

Кашкадамовъ, Пав. Мих. (инженеръ-архитекторъ, безъ работы).

Коржевскій Андр. Андр. (инженеръ-металлургъ) — Pribram—IV c 63.

Котельниковъ Евг. Сем. (инженеръ-строитель) — Holubyho c 29, Bratislava.

Крайневъ, Ант. Данил. (инженеръ-архитекторъ) — Havlicková c 36, Brno 16.

Куликовскій Леон. Ив. (инженеръ-строитель, техникъ путей сообщ.) — *„Сергіевцевъ сердечно поздравляю съ юбилеемъ выпуска и шлю самыя лучшія пожеланія.“*

Леонтовскій, Анат. Георг. (инженеръ-электротехникъ, фигурантъ на съемкахъ, выжиганіе по дереву) Budkova cesta c 348, Bratislava.

Мацнеръ, Ив. Павл. (землемѣръ) — Zemsky úrad Sk. V/12, Uzhorod.

Мигай, Влад. Вас. (землемѣръ) — Nová ul c 925 Cadca (Slovensko).

Мишта, Ник. Изм. (агрономъ) — Kolárova c 189, Klatovy.

Обозненко, Вл. Ник. (инженеръ-кооператоръ, техникъ путей сообщ.) — Orebická 12 Prevoz u M. Ostrovy.

Пеніонжикъ Ал. Мих. (юристъ, межевой инженеръ, кандидатъ инженеръ-строитель) — Hlubocepy c 111 — Praha.

Польской, Конст. Конст. (кандидатъ горный инженеръ, маркшейдеръ; уроки и черченіе) — Pribram — IV c 63.

Ратьковъ, Георг. Ник. (инженеръ-механикъ) — Malé Novosady c 6 Prerov n/Mor. — *„Поздравляю однокашниковъ съ 10-лѣтнимъ юбилеемъ. Желаю всѣмъ отъ души здоровья и силъ перенести всѣ тяготы эмиграціи и еще поработать на постройкѣ огромнаго зданія Новой Россіи.“*

Савицкій, Вас. Іосиф. (кандидатъ инженеръ-строитель) — Pisecká ul c 6 Praha—XII.

Сергуновъ, Мих. Данил. (инженеръ-архитекторъ)—Pstrossova c 13/II p. Praha—II.

Скрипникъ, Фед. Фил. (землемѣръ) — Kourimska cp. 2241 — Praha—XII.

Степура-Сердюковъ, Ал. Вас. (кандидатъ-техникъ, піанистъ).

Стеценко, Дан. Мих. (горный инженеръ, работаетъ фигурантомъ) — Tuchomysl u Ust; n d c 8 — *„Поздравляю Сергіевцевъ* III *выпуска съ юбилеемъ.“*

Сидоренко, Григ. Игн. (инженеръ)

Струковъ, Ал. Викт. (межевой инженеръ) — Inspektorát noveho merania, Kosice.

Феоктистовъ, Серг. Павл. (кандидатъ инженеръ-архитекторъ) — Ul. Elisky Krasnohorské c 10, Praha—V.

Чеховичъ, Всев. Ал. (горный инженеръ) — Geologicky ústav vysoké skoly bánské Pribram.

Шокинъ, Анат. Мих. (инженеръ-строитель).

ЛЮКСЕМБУРГЪ.

Дорогихъ однокашниковъ г. г. офицеровъ III курса сердечно поздравляемъ съ десятой годовщиной производства. Шлемъ всѣмъ лучшія пожеланія и твердо вѣримъ, что недалекъ тотъ день, когда мы всѣ соберемся подъ сводами родного САУ.

Группа Сергіевцевъ въ Вильцѣ

Сердечно поздравляю всѣхъ доблестныхъ орловъ XIII-го уск. выпуска съ десятилѣтіемъ производства и шлю свои лучшія пожеланія. Дай Богъ успѣха въ жизни и дождаться того радостнаго дня когда вы — послѣдніе — передадите традиціи родного САУ новымъ юнкерамъ.

Л. Оссовскій

Андрееъ, А. Н. — Оссовскій, Леон.Викт.
Смирновъ, Вас. Ал. — Яцевичъ, Леон. Евг.
Крыловъ, Пан. Макс. — Скрипниченко, Ив. Ник.
Харченко, Ник. Зах. — (кожевники — квал. рабочіе).

Адресъ для всѣхъ: Tannerie „Ideal“, Wiltz.

БЕЛЬГІЯ

Каратѣевъ, Мих. Дм. (докторъ химіи, инженеръ; случайныя работы) — 119, rue Beeckman. Uccle, Bruxelles.

Морозовъ, Ив. Мих. —

Рябченко, Евг. Мих. (студентъ) — 12, rue de Manége Lou vain.

ЮГОСЛАВІЯ

Коптевъ, Бор. Ник. (чиновникъ) — ул. Цара Душана № 53, Панчево —

„Поздравляю дорогихъ однокашниковъ, разсѣянныхъ по бѣлу свѣту съ юбилейной годовщиной и мысленно присоединяюсь къ торжественнымъ объединеніямъ въ Софіи, Парижѣ, Прагѣ и др. мѣстахъ и выпиваю бокалъ вина за нашу неумирающую идею, нашихъ вождей, начальниковъ и родное С. А. У.

Ю. АМЕРИКА

Бусыгинъ, Вал. Григ. (агрономъ, случайныя работы) — Reynaldo Preiss (v. Bussyguin). Andradas 1493. Porto-Alegre. Est. Rio grande do Sul. Brasil.

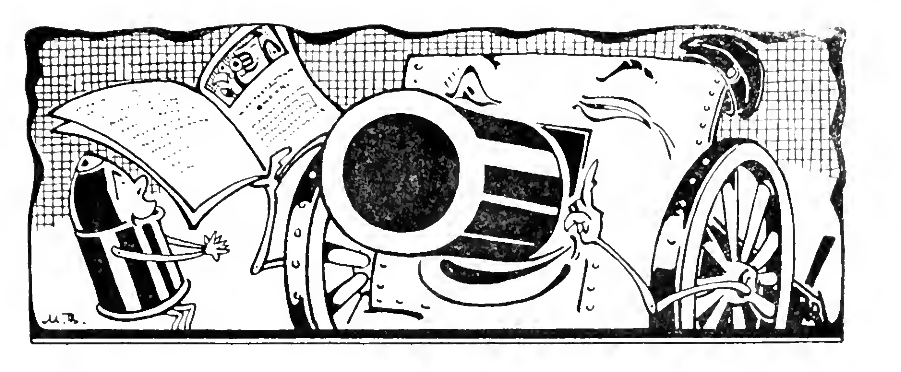
Пивоваровъ, Фед. Ив. (инженеръ-химикъ) — Fabrica de cemento Portland Sayago Montevideo, Uruguay.

---

* * *

Легче фельдфебелю получить четыре балла по интегральному исчисленію — чѣмъ, имѣя четыре балла по интегральному исчисленію „получить фельдфебеля“!

Старый фельдфебель

Десять лѣтъ прошло съ производства..,

Десять лѣтъ какъ насъ вывели въ свѣтъ, пояснивши что мы теперь люди, а не финики, скажемъ, на блюдѣ. Ну, да мало сказать, и чтобъ всѣмъ доказать, а также другимъ въ назиданье, — подсластили намъ горечь изгнанья: дали намъ чинъ подпоручика.

Чего бы, кажется, лучше?

Не вѣрите? — Коль возникнетъ какое сомнѣніе, загляните тотчасъ въ „положеніе“ и быстро провѣрите: тутъ тебѣ помимо мундира, почетъ, вѣстовой и квартира, и окладъ въ пятьдесятъ цѣлковыхъ, да еще набѣжитъ и „столовыхъ“. Живи себѣ — наслаждайся, а коль реверсъ внесъ, то женись, плодись и размножайся.

Уставъ оставался въ силѣ, но временно насъ попросили, хоть эти слова и избиты, сократить свои аппетиты. Зачѣмъ, говорятъ, вамъ „столовыя“? Вы молодые, здоровые, жизнь же такъ многогранна: тутъ вамъ и саманная яма; и фабрики, и заводы; и родственные народы; и спячка, и хожденіе, а порою и развлеченія; и мины, и „обреща“ и клопиная „кжща“,и тревоги, и большія дороги, и смѣны, и впечатлѣнія, и крупныя достиженія, и „надницы“, и акорды, и долговые рекорды!

Кишку подтянувши веревкою, мы покачали головкою...

И вотъ ужъ десятое лѣто, блюдя завѣщаніе это, ползя на подобіе слизня, мы всюду „знакомимся“ съ жизнью. Всяко у насъ ужъ бывало: и взрывы тебѣ, и обвалы; и дерзанія, и провалы, и взлеты, и паденія, и сч стье, и невезеніе, и недохваты, и нормы, и даже „подножные кормы“.

Однихъ занесло въ Бразилію, другіе, слегка посчастливѣе, гостятъ у туземцевъ на Кубѣ. А въ общемъ отъ насъ представители есть въ каждой странѣ и обители.

Но мы — православное воинство и живо въ насъ наше достоинство. Хоть часто мы пухнемъ отъ голода, хоть мы далеко ужъ не молоды, хоть жизнь насъ и лупитъ дубиною, а мы все съ ехидною миною подводимъ годишкамъ подсчеты и твердимъ между дѣлъ и работы: Ничего, погодите, голубчики! Десять лѣтъ уже мы подпоручики. Старшинство-то бѣжитъ-на-

бѣгаетъ, ужъ на чинъ капитана хватаетъ! Скоро вылѣземъ мы изъ терновника, намъ рукой ужъ подать до полковника!

Я бъ сказалъ что сіе утѣшительно. Но о чемъ заявляю рѣшительно, я бъ отдалъ эти всѣ „достиженія", старшинство и свое „продвиженіе", вплоть до самаго чина фельдмаршала за невинную радость „вчерашняго".

Эхъ, вернись, золотыя мгновенія! Взяли бъ юнкеромъ вновь въ отдѣленіе и не только бы, скажемъ, Лавровскаго, а хотя бы, хотя бы... Коцовскаго! Пусть держали бы въ третьемъ разрядѣ, пусть бы вѣчно гноили въ нарядѣ и за пунктъ изъ устава нарушенный распинали бъ рѣчами Мамушина! Пусть бы въ бурю и дождь-непогоду повозили опять на мнѣ воду и при этомъ бы снова цукнули, если я не одѣну царвули! Пусть бы вновь развлекали бусолью, пусть Федотовъ морилъ бы фасолью, пусть цукали бы, пусть донимали, но только бъ подольше держали, но только бы ... не выпускали!

М. Каратѣевъ

ЦУКЪ

Что для людей всего нужнѣе,
Что плодотворнѣй всѣхъ наукъ?
— Хвалу хочу воздать тебѣ я,
Спокойный, бодрый, жгучій цукъ.
Ты многогранен; то глубоко
Скрытъ твой серьезный смыслъ и звукъ,
Когда довольно и намека,
Чтобы внушительный дать цукъ:
Когда въ Галлиполи камрады
Грозить „Сережей" стали вдругъ,
Что укротило ихъ? — Парады,
Кутепъ-паши безмолвный цукъ.
Порой ты льешься крѣпкимъ словомъ,
Внѣ этикета тонкихъ штукъ,
Подносишь жизнь на всемъ готовомъ,
Отчетливый, изящный цукъ.
Всѣмъ Гавликовскій милъ. Не диво:
Не выпуская стэкъ изъ рукъ,
Корректно, просто и учтиво
Пускалъ онъ трехъэтажный цукъ.

Но есть дѣла, когда грозою
Лѣчить ты долженъ злой недугъ,
Когда зовешь ты къ карѣ, къ бою,
Суровый, безпощадный цукъ:
Когда команду надъ войсками
Взялъ адвокатъ — безвольный штрюкъ,
Что стало съ Родиной и съ нами?
Что, если бъ во время да цукъ?..
Здѣсь внемлемъ мы полны печали —
„Братушка, хайде, карай тукъ",
На что „свободы" промѣняли
Военный справедливый цукъ.
А дома что? — Сыскъ, униженье,
Голодъ, предательство, испугъ...
Греми же громъ, рви вихремъ мщенье,
Дай гаду, Русь, твой мощный цукъ!

Н. Б.

10 ЛѢТЪ

Докторамъ и духовенству,
Инженерамъ, шоффeрамъ,
Педагогамъ, „надничарамъ“,
„Бояджiямъ“, фермерамъ,
И вамъ, милые папаши,
Вы — пожарный командиръ,
Предлагаю всѣмъ вамъ вспомнить
САУ юнкера мундиръ!..

* * *

Размѣстившись на „Рiонѣ“,
Нагрузивши „Херсонесъ“,
САУ двинулось со славой,
Восходящей до небесъ!
Пока слава восходила,
Пароходъ все плылъ да плылъ,
У Босфора жъ оказалось,

Что у многихъ жаръ остылъ!
Жара тутъ не раздували,
Слезъ напрасно не лили...
Закусили чѣмъ попало,
Поплыли въ Галлиполи!
Горы, долы, много моря —
Славься городъ Галлиполь!
Греки, турки, сенегалы,
Драхмы, граммы и фасоль!..
Бодрый духъ, консервы, шпоры,
Сенегальская труба,
Дортуары, ванны, залы
И гостинная — „губа“!
Хлѣба нѣту, съ лафарями жъ
Мы не стали горевать —
То ли дѣло въ Галлиполи
Въ полѣ лагеремъ стоять!..
(Ать, два!..)

Такъ „орлами“ просидѣли
На діэтѣ цѣлый годъ . . .
Приказали — снова САУ
Нагрузило пароходъ!

* * *

Комендантъ не унываетъ,
Отъ зари и до зари
Все романсы напѣваетъ,
Держитъ курсъ на Bulgarie.
Гимнъ сыграли, встрѣчи, рѣчи...
Показался Варны портъ —
Хлѣба выдали по братски
И вино на первый сортъ!
Снова долы, снова горы,
Но совсѣмъ на новый ладъ.
Хоть и Новой и Загорѣ
Каждый искренно былъ радъ!.

„Молодятниковъ“ мордашки
Разгорѣлись, какъ костеръ,
Безкозырки и фуражки
У госпожицъ манятъ взоръ!

* * *

Не успѣвъ допить запасы
У загорскихъ корчмарей,
Переѣхали къ начальству —
Здѣсь и ближе, и теплѣй!
Что за прелесть, эко диво
Славный Тырновскій „животъ“,
Правда — это по началу,
А потомъ — наоборотъ . . .
САУ, здѣсь не заживаясь,
А во время, чинъ чиномъ,
Освободилось отъ родовъ
Вторымъ нормальнымъ сыномъ!

* * *

И если юнкеръ и мечталъ
Во снѣ иль наяву о Вѣнѣ,
То онъ никакъ не ожидалъ,
Что будетъ танцевать . . . въ Сейменѣ.
(. . . Какъ въ Одессѣ!)
Ну, въ общемъ и ни Ганнибалъ
И даже ни его кухарка,
Никто никакъ не ожидалъ,
Что здѣсь въ Сейменѣ будетъ жарко!
(. . . отъ наукъ?!.)

* * *

И изнывая отъ тепла
И зимой и лѣтомъ,
Расцвѣли „лепетуны“
Огромнѣйшимъ букетомъ!
Лепестки за лепестками
Увялъ и весь букетъ,
А изъ всей оранжереи . . .
Вышелъ камуфлетъ!
Климатъ ли, иль что иное,
Кто тутъ виноватъ
Тѣмъ, что САУ народило
Здѣсь опять орлятъ!..

* * *

Зазолотилися погоны,
Гремѣло вновь „ура“,
То САУ покидали
Былые юнкера!..

* * *

Десятокъ лѣтъ!.. Прошли года,
Дни эти пронеслись!
И вдругъ... что слышу снова я?..
Команда „становись“!
И снова помню, какъ бывало
Вся батарея предо мной,
У всѣхъ равненіе направо,
Развернутъ фронтомъ строй!
Все какъ и раньше по сноровкѣ
Немножко видъ иной:
Жилетки, пиджачки, бородки,
А нѣкто — съ лысой головой!
„Лаверъ“ не довернулъ носочекъ,

А этотъ докторъ завалилъ,
Онъ хоть не выровнялъ животикъ,
Но все же безконечно милъ!
А вотъ совсѣмъ безъ угломѣра
Равненье держитъ землемѣръ,
И въ грудь четвертаго шоффера
Уставилъ взоръ свой инженеръ!
Чиновникъ — папа старой школы,
Онъ ловитъ кантъ рукой,
Въ пылу старанья забываетъ
Своихъ дѣтишекъ рой!..

. . . .

Трубачъ трубитъ! Команда „смирно“!.
Слышится „ура“!..
Привѣтъ вамъ, милые, родные
САУ юнкера!..

Максимъ Бѣликовъ

СЕЙМЕНСКІЕ КАЛПАЗАНЫ

(Отрывки изъ повѣсти)

I. ШТУКАТУРЫ

Въ концѣ февраля настали чудные, теплые дни. Быстро таяли снѣга и вспаханныя поля съ пятнами удержавшагося еще снѣга запестрѣли вокругъ Сеймена, какъ гигантскія шахматныя доски. Жизнь начала просыпаться вокругъ казармы и въ ней самой. Плацъ оживился и запестрѣлъ гуляющими.

Весна застучалась въ сердца молодыхъ калпазановъ, но вмѣстѣ съ ней воскресли и притупившіяся было за зиму мысли о необходимости искать работу.

— Корнетъ, ты умѣешь заштукатуривать потолки? — спросилъ однажды Б. въ чудно солнечный день, встрѣчая на плацу фланирующаго въ длинной шинели К.

— Гм... А отчего бы не заштукатурить, если понадобится и если, конечно, за это заплатятъ?

— Да нѣтъ, ты отвѣчай толкомъ: случалось ли тебѣ этимъ заниматься?

— Откровенно говоря, нѣтъ. Но повторяю, я придерживаюсь того взгляда, что не боги горшки лѣпятъ.

— Можетъ быть ты случайно хоть видѣлъ, какъ это дѣлается? — не унимался честный „Китаецъ".

— Какъ ломаютъ потолки видалъ неоднократно, и даже самъ ломалъ, но какъ ихъ дѣлаютъ, признаюсь не видывалъ.

— Жаль, жаль. Значитъ ты не подходишь. Чертъ побери, гдѣ бы мнѣ найти спеца по потолкамъ?

— Слушай, Китаецъ, имѣй ввиду, что я энциклопедистъ и на всѣ руки мастеръ. Не валяй дурака и разскажи толкомъ что и какъ. Авось справимся и безъ твоего спеца. Тѣмъ болѣе что никто изъ нашихъ ребятъ потолковъ никогда не дѣлалъ и ты только даромъ упустишь работу!

Послѣ долгихъ уговоровъ Китаецъ наконецъ сдался и повѣдалъ, что въ одномъ изъ ближайшихъ кабаковъ обвалился кусокъ потолка и надо замазать его штукатуркой, а потомъ забѣлить Хозяинъ предлагаетъ за это полтораста левъ и обѣщаетъ сверхъ того угостить виномъ, но просилъ приниматься за работу какъ можно скорѣе.

— Ну что жъ, отличное дѣло! — одобрилъ К., мы прихватимъ съ собой Панчишку, онъ всю осень работалъ на постройкахъ и навѣрное потолокъ сумѣетъ сдѣлать. За какихъ нибудь два часа работы мы положимъ въ карманы по полтиннику, надуемся какъ пауки вина, распрощаемся съ хозяи-

номъ, а тамъ въ случаѣ чего провались не только потолокъ но и весь кабакъ къ чертовой бабушкѣ!

Китаецъ замѣтно ободренный оптимизмомъ пріятеля просвѣтлѣлъ и отправился добывать инструменты. Корнетъ пустился въ поиски Панчишки. Найти послѣдняго не составляло труда, онъ валялся въ лазаретѣ и положивъ ноги на спинку кровати, любовался узсромъ своихъ расписныхъ носковъ.

— Казакъ, хочешь быстрымъ темпомъ заработать полтинникъ? — Сразу атаковалъ его К.

— Я думаю! — вскричалъ Казакъ, садясь на постели; — что для этого надо сдѣлать?

— Поцѣловать меня пониже экватора!

— Иди къ чертовой бабушкѣ! — послалъ Казакъ и снова упалъ на постель.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, есть работа. Сумѣешь потолокъ замазать?

— Чѣмъ замазать?

— А чертъ его знаетъ чѣмъ! Это тебѣ виднѣе разъ ты берешься! Словомъ обвалился въ кабакѣ кусокъ потолка, видны тамъ какія-то доски, — надо налѣпить на нихъ какой-нибудь дряни, чтобы дыры не было, послѣ загладить и забѣлить. Сможешь?

— Конечно, смогу! Я помню еше малышомъ былъ, когда у моего дѣда въ станицѣ потолокъ мазали!

— И хорошо помнишь?

— Ну, какъ сейчасъ помню: поставили лѣстницу, какой-то типъ на нее влѣзъ и началъ изъ ведра шлепать въ потолокъ какой-то дрянью. Пошлепалъ, пошлепалъ, потомъ заравнялъ какой-то штукенціей, да и все.

— А какой именно дрянью онъ шлепалъ?

— Ну, это чертъ его знаетъ! Глиной должно быть.

— А можетъ быть цементомъ или известкой?

— Можетъ быть и цементомъ. Но мы для вѣрности и дешевизны пустимъ глину.

— А ты увѣренъ, что нашъ потолокъ не обвалится?

— Пока разсчитаемся съ хозяиномъ во всякомъ случаѣ продержится. А возможно, что на его счастье и вообще удержится — всяко, вѣдь бываетъ!

— Ладно, значитъ по рукамъ! И такъ, ты у насъ за главнаго мастера и смотри, когда придемъ, побольше фасону и амбиціи. Чтобы хозяинъ отъ одного твоего вида закачался и чтобы ему и въ голову не пришло, что мы такіе же мастера, какъ онъ армянскій попъ!

— Будь увѣренъ! Когда идемъ?

— Сейчасъ же; переодѣвайся въ рабочее.

Черезъ полчаса всѣ трое въ рабочихъ костюмахъ подходили къ злополучному кабаку.

— Главное, ребята, побольше нахальства и самоувѣренности! — наставлялъ К. — Панчишка, влазь первымъ!

— Добрый день, братушка! покровительственно привѣтствовалъ Казакъ кабатчика. — Что случилось?

Хозяинъ краснорѣчиво указалъ на огромную дыру въ потолкѣ, какъ разъ надъ стойкой и пространно объяснилъ, что надо эту брешь, какъ можно скорѣе задѣлать.

Казакъ важно воззрился въ потолокъ, поставилъ діагнозъ и потребовалъ лѣстницу. Ведро съ глиной, известка и лопаточка были принесены съ собой.

— Ну какъ, Казакъ, справишься? вполголоса освѣдомился китаецъ.

— Плевое дѣло! былъ отвѣтъ. — Я полѣзу и буду мазать, ты, корнетъ, подавай мнѣ сюда глину, а ты, Китаецъ, приготовь пока известку!

Приступили къ работѣ. Комья глины въ началѣ не хотѣли прилипать къ потолку и дружно валились на голову обливающемуся потомъ Панчишкѣ.

— Можетъ быть нужно соломы подмѣшать въ глину? — высказалъ предположеніе Б.

— Да я теперь и самъ вспоминаю, что нужно,—подавленно отозвался Казакъ, —но уже поздно. Если мы начнемъ сейчасъ пробовать съ соломой, то хозяинъ сразу сообразитъ, что мы за птицы и выгонитъ въ три шея. Теперь ужъ надо продолжать до побѣднаго конца такъ, какъ начали.

— Да потолокъ-то вѣдь свалится безъ соломы!

— Пусть валится, когда мы уйдемъ!

— А если онъ до того свалится?

— Ну, это врядъ ли!

— Ладно, положимся на Провидѣніе! Гони дальше, да спѣши!

Работа закипѣла. Черезъ часъ брешь была замазана и приблизительно заравнена.

— Браво, Казакъ! — одобрилъ К., теперь сверху смажемъ густымъ слоемъ известки, а окончательную побѣлку по условію сдѣлаетъ самъ хозяинъ, когда совсѣмъ высохнетъ.

— Давай известь!

Съ известью дѣло пошло куда легче и черезъ 10 минутъ, покончивъ съ работой, Казакъ слѣзъ съ лѣстницы и взоромъ Рафаэля окинулъ свое твореніе.

— Ну что? — съ гордостью спросилъ онъ, — я и домъ построю, если здорово приспичитъ!

— Не хотѣлъ бы я жить въ этомъ домѣ! — глубокомысленно замѣтилъ Б. — Однако, ладно, надо звать хозяина,

Хозяинъ не замедлилъ явиться и остался работой, судя по всѣмъ признакамъ, доволенъ. Отслюнивъ Китайцу полтораста левъ, братушка наполнилъ виномъ три основательныхъ стакана.

— Пей, только поживѣй, ребята, — шепнулъ Китаецъ,— надо смыться отсюда пока потолокъ еще держится!

— Ну, нѣтъ, знаете ли, — запротестовалъ корнетъ, — разъ поятъ виномъ да еще безплатно, я не склоненъ особенно спѣшить! На здоровье, братушка!

— Мерси, ну-ка еще по одной!

Выпивъ по четыре стакана всѣ значительно повеселѣли и, трогательно распрощавшись съ хозяиномъ, отправились домой.

— Ну, интересно, долго ли продержится наша латка? — поинтересовался Китаецъ, подходя къ казармѣ.

— Если интересно, зайди завтра и посмотри! — посовѣтовалъ Казакъ, — а я такъ постараюсь обходить этотъ кабакъ за три километра!

— Я, пожалуй, послѣдую примѣру мастера! — захохотавъ прибавилъ К.

Черезъ три дня вечеромъ всѣ мирно сидѣли въ подвалѣ и „трепались", когда дверь распахнулась и въ комнату влетѣлъ Гривла.

— Что съ тобой, Гривла? Откуда сорвался? — раздались голоса.

— Ухъ, дайте духъ перевести! Вотъ дѣла! Вотъ арапы! — отдувался онъ.

— Да въ чемъ дѣло, разскажи ты толкомъ.

— Шелъ я, понимаете, изъ города и пить захотѣлось. Дай, думаю, зайду дерну баночку вина. Оглянулся — смотрю кабакъ передъ носомъ, знаете, второй отъ казармы по лѣвой сторонѣ . . .

— Ага, ага, ну и что? — оживился вдругъ Китаецъ.

— Ну и захожу. Открываю дверь и вижу — что за чертъ? Весь потолокъ лежитъ на полу, вся стойка, столики, словомъ все на свѣтѣ въ глинѣ и штукатуркѣ! Не успѣлъ я ничего понять, какъ вижу хозяинъ хватается за палку и на меня! И вопитъ: „Ахъ, ты такой да сякой, я тебѣ шею сверну, маршъ отсюда ! . ." Ну, я, конечно, взялъ ноги въ руки и послушалъ добраго совѣта. Изъ его напутствій я понялъ, что ему какіе-то русскіе починили дыру въ потолкѣ такъ, что черезъ три дня вообще весь потолокъ обвалился. Хотѣлъ бы я знать, что это были за „мастера"!

— Выходи, Казакъ, раскланивайся! — сквозь хохотъ отозвался К.

— Чего же ради я одинъ? Вы съ Китайцемъ въ равной мѣрѣ участники предпріятія!

— Да, но ты главный мастеръ!

— Такъ это значитъ вы, песъ васъ заѣшь! — удивился Гривла.

— Да ну, мы жъ . . .

— А мнѣ изъ-за васъ прохвостовъ чуть морду не набили!

— Это, что бы не шлялся по кабакамъ! — резонно замѣтилъ Б.

Долго смѣялись въ подвалѣ по этому случаю, но въ злополучный кабакъ ужъ никогда не заходили.

II. КРОВЕЛЬЩИКИ

Казакъ шнырялъ по городу въ надеждѣ найти какой-нибудь заработокъ.

— Господа, есть работа, — сообщилъ онъ однажды, возвращаясь изъ очередной экспедиціи и обращаясь къ умиравшимъ отъ скуки Х. и К.

— Какая и гдѣ?

— Я сейчасъ договорился съ однимъ болваномъ. Ему надо перекрыть крышу черепицей. Это здѣсь же въ Сейменѣ, рядомъ со школой. Я видѣлъ домъ — за день работу кончимъ, какъ пить даты! Даетъ триста лева.

— Что-жъ, отлично! У насъ день свободенъ. А ты умѣешь перекрывать крыши или опять какъ съ потолкомъ будетъ?

— Здравствуй, Марья! — обидѣлся Казакъ, — да что-жъ тамъ умѣть-то? Поскидаемъ всю черепицу съ крыши къ черту на землю, а затѣмъ уложимъ снова. Поломанную замѣнимъ цѣлой да и все!

— Ну, тебѣ виднѣе! А когда же начнемъ?

— Да сейчасъ и отправимся; переодѣвайтесь!

Черезъ часъ всѣ уже сидѣли на крышѣ и держали военный совѣтъ.

— Ну, давайте подумаемъ, какъ и съ чего начинать, — сказалъ К.

— Какъ съ чего начинать? — удивился Казакъ, — швыряй черепицу, начиная сверху, на землю!

Прошло два часа; вся черепица была на землѣ и три „мастера“ сидѣли подобно воробьямъ на оголившемся скелетѣ крыши.

— Ну, а теперь что? — освѣдомился К.

— А теперь ты, Алеша, слѣзай на землю и кидай корнету, который станетъ на краю крыши, цѣлую черепицу. Ты, корнетъ, передавай ее мнѣ, а я буду укладывать, — распорядился Казакъ, игравшій роль главнаго мастера.

— Только крой какъ слѣдуетъ, а то какъ бы насъ хозяинъ не покрылъ! Смотри сколько черепицы мы перебили!

— Чепуха, скажемъ, что она была ломанная. А что касается перекрытія, то я уже сообразилъ какъ и откуда начинать.

Закипѣла работа. Панчишка началъ укладывать сверху, получалось гладко и красиво, а на остальное, въ пылу завязавшагося разговора, никто не обратилъ вниманія.

Добрая половина крыши была уже покрыта и калпазаны начали предвкушать слодость полученія трехсотъ лева, когда

ворота со скрипомъ отворились и во дворъ на телѣгѣ въѣхалъ хозяинъ. Слѣзши съ телѣги, онъ бросилъ быстрый взглядъ на крышу и остановился, какъ вкопанный. На лицѣ его сразу выступила цѣлая гамма чувствъ такого краснорѣчиваго подбора, что Алеша, бывшій въ предѣлахъ досягаемости не сталъ терять время на ненужныя размышленія, ринулся къ забору и, перемахнувъ его ласточкой, скрылся на улицѣ.

Да и было время, такъ какъ въ то же мгновеніе хозяинъ вышелъ изъ состоянія столбняка и схвативши здоровенное полѣно устремился къ дому.

— Некультурная скотина явно не одобряетъ нашей работы, Казакъ, — спокойно сказалъ К., сразу сообразившій, что безъ помощи лѣстницы взбѣшенный хозяинъ до нихъ не достанетъ. — Ты видимо чего-то не такъ наложилъ.

— Да нѣтъ, все правильно! — самъ себѣ не вѣря, успокаивалъ Казакъ, — онъ, вѣроятно дурака валяетъ, шутитъ!

— Ну знаешь, шутка будетъ неважная, если онъ насъ выутюжитъ полѣномъ! Я лично не люблю такихъ шутокъ и вполнѣ одобряю политику Алешки. Вєли онъ сюда полѣзетъ, то я драпаю, да и тебѣ не совѣтую задерживаться!

Въ это время ругань хозяина послышалась гдѣ то совсѣмъ близко.

— Драпаемъ, Казакъ! — крикнулъ К. и видя, что казакъ за нимъ слѣдуетъ, кинулся къ стоявшей сзади дома лѣстницѣ. Хозяинъ, бывшій съ другой стороны дома, быстро учелъ положеніе и, ринувшись за домъ, успѣлъ отрѣзать отступленіе Казаку.

Панчишка, видя, что онъ остался одинъ, и понявши, что ему не сдобровать, быстро втащилъ лѣстницу на крышу и приготовился къ правильной осадѣ. Картина была захватывающая: хозяинъ съ дубиной бѣсновался и прыгалъ внизу, а Панчишка, какъ котъ, сидѣлъ на краю крыши и съ тоской во взорѣ размышлялъ о своемъ незавидномъ положеніи.

— Убирайся вонъ! Какой ты къ черту мастеръ —оралъ хозяинъ. — Ни черта ты не понимаешь! О...

— Чего ругаешься? — освѣдомился Казакъ, понявшій, что единственное его спасеніе въ переговорахъ.

— Чего ругаешься?! — передразнилъ хозяинъ. — Посмотри, ослиная голова, что ты надѣлалъ!

Панчишка внимательнѣй взглянулъ на свою работу и мигомъ понялъ въ чемъ дѣло. Начавши крыть сверху, а не снизу, онъ накладывалъ каждую нижнюю черепицу на верхнюю, а не наоборотъ и такимъ образомъ дождевая вода вся цѣликомъ должна была протекать внутрь. Видя, что далъ маху, Казакъ началъ врать, что складывалъ такъ черепицу временно, чтобы она была подъ рукой, когда начнется настоящая кладка.

Послѣ долгой ругани и препирательствъ, хозяинъ наконецъ остылъ и сложилъ гнѣвъ на милость. Казакъ получилъ

по мирному договору право безпрепятственно слѣзть съ крыши съ тѣмъ, чтобы пойти позвать пріятелей и уже по настоящему перекрыть крышу.

Онъ нашелъ К. и Х. въ сосѣднемъ кабакѣ, гдѣ они пили вино съ лимонадомъ и взирали на дальнѣйшія событія, будучи готовыми въ случаѣ необходимости придти на выручку плѣннику.

— Ну что, ты живъ, Казакъ? привѣтствовали они его съ такимъ видомъ, точно не видѣли происходившаго послѣ ихъ бѣгства.

— Что, здорово больно билъ хозяинъ?

— По головѣ не попало?

— Я бы самъ ему всыпалъ, если бы до этого дошло, — гордо сказалъ расхрабрившійся Казакъ, — это вы, трусы сдрапали, какъ зайцы!

— Да ты, орелъ, не сдрапалъ только потому, что у тебя въ нужный моментъ ноги отнялись отъ страха!

— Ну, разсказывай лучше въ чемъ дѣло.

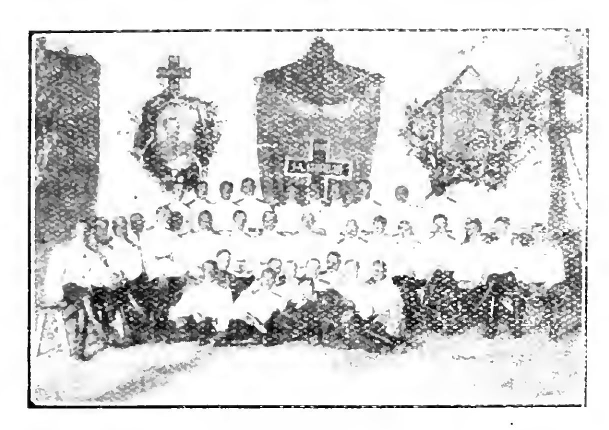
Казакъ въ двухъ словахъ разъяснилъ имъ свой промахъ съ черепицей.

Ха-ха-ха! — заржалъ К., — вотъ здорово, вѣдь разсчиталъ, казачій сынъ! По идеѣ ни одна капля дождя не должна была бы пропасть для этото дома даромъ.

М. Каратѣевъ

Къ сожалѣнію, за недостаткомъ мѣста много полученныхъ матеріаловъ не могли быть помѣщены въ сборникѣ.

Печатница „Древна България" — Софія.

Сергіевское Училище въ Болгаріи въ 1922 г.

